

ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКОГО ФРОНТА И ТЫЛА.

ФРОНТА И ТИЛА
ОПЕКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Новое въ войнѣ.

Прошло десять лѣтъ отъ русско-японской борьбы до настоящаго мірового потрясенія, и ликъ войны измѣнился до неузнаваемости. По крайней мѣрѣ участнику маньчжурской эпопеи, волею судебъ перенесенному на «западный фронтъ», онъ является въ совершенно иномъ видѣ. Попытаюсь вкратцѣ намѣтить основныя измѣненія, видимыя простымъ глазомъ рядового офицера.

Во-первыхъ, двѣ стѣны, два ряда безконечныхъ траншей, протянувшихся отъ Сѣвернаго моря до горъ Швейцаріи вмѣсто затерянной въ безкрайной Маньчжуріи сѣти нашихъ и японскихъ окоповъ. Слѣва, справа тогда оставались свободныя пространства, какъ позволявшія практиковать набѣги въ родѣ мищенковского, такъ и предопредѣлявшія обходныя японскія движенія. Теперь не то, и чувствуется, что, отодвинься море еще на сотни километровъ лѣвѣе, и фронты обоихъ противниковъ раздадутся, проявятъ тенденцію во что бы то ни стало добѣжать до него, пользуясь безконечными людскими резервами, черпаемыми изъ поднявшихся какъ одинъ человѣкъ націй.

И на фонѣ этого главнаго отличія четко вырисовались три основныхъ черты, перестроившія наново всю технику боя и весь обликъ войны: это—новый способъ развѣдки, новый методъ подхода къ атакѣ и новыя средства передвиженія.

Съ перваго же момента прибытія на фронтъ я рѣзко почувствовалъ разницу въ способахъ развѣдки. Нашъ полкъ попалъ въ Шампань, въ районъ, гдѣ между двумя рядами возвышенностей, принадлежащихъ «имъ» и намъ, по ровной, какъ ладонь, долиנѣ вились длинной нитью наши траншеи въ 1.000—1.200 шагахъ отъ нѣмецкихъ. Мы пришли въ В... и только вечеромъ должны были отправиться на смѣну передовыхъ частей. В... расположено на склонѣ, обращенномъ къ долинѣ съ траншеями, и изъ него открывается роскошный видъ на сбѣгающіе внизъ виноградники, рощицы, хутора и покрытую сжатымъ хлѣбомъ долину. По разбивкѣ людей мы, вооружившись биноклями, съ любопытствомъ начали отыскивать на желтыхъ поляхъ характерную линію траншейныхъ бугорковъ. Однако ничего сколько-нибудь отдѣляющагося отъ земли и представляющаго собою точку прицѣла нельзя было отыскать внизу. Траншеи ушли вглубь, разсыпанная вокругъ земля прикрылась снопами, и только узкія линіи поперечныхъ соединительныхъ ходовъ изрѣдка чертили свой зигзагъ къ покрытой виноградниками подошвѣ холмовъ.

— Однако,—замѣтилъ капитанъ Дюбежъ,—по такимъ окопамъ не очень пристрѣляешься. Есть что разглядывать въ оба артиллеристамъ.

Въ этотъ моментъ на горизонтѣ показалась маленькая точка. Она быстро росла, и черезъ нѣсколько секундъ мы увидѣли гигантскую птицу, легко и красиво летѣвшую на насъ съ характернымъ гудѣніемъ мотора.

— Вотъ тебѣ и разъ, «Таубе»!

По деревушкѣ уже поднялась тревога. Она мгновенно обезлюдѣла. Солдаты забились подъ навѣсы, прилипли къ изгородямъ и стѣнамъ. Обозъ былъ помѣщенъ заранѣе подъ прикрытіе. «Таубе» съ минуту повертѣлся надъ деревней, а затѣмъ, словно ястребъ, сталъ плавно кружить надъ долиной. Вотъ его круги

стали уже, онъ какъ будто на моментъ застылъ, и длинныя свѣтло-дымчатыя ленты протянулись внизъ къ желтому полю.

— Готово! — сказалъ «марсуэнь», лейтенантъ колоніальной морской пѣхоты, здѣшній старожилъ.

— Что готово?

— Какъ что?! Артиллерійская поливка, чортъ побери.

И дѣйствительно, тамъ, гдѣ тянулись свѣтло-дымчатыя ленты, одно за другимъ рождались и расходились въ синеватомъ воздухѣ маленькія, красивыя бѣлыя облачка. До насъ долетали короткіе, гулкіе удары: то надъ намѣченными траншеями рвалась шрапнель, а затѣмъ надъ ними поднялся густой столбъ черного дыма и развороченной земли. Началась бомбардировка «мармитами».

Эта маленькая сценка перваго дня особенно отчетливо подчеркнула коренную перемѣну въ способахъ развѣдки и вызванное ею измѣненіе въ ликѣ войны. Въ походѣ, на привалѣ, на маневрѣ, въ траншеяхъ, въ бою—первая забота обезопасить себя отъ взглядовъ воздушныхъ развѣдчиковъ, которые не только навлекаютъ громъ и молнію скорострѣльной, дальнобойной артиллеріи, но разгадываютъ всѣ секреты, все тайное дѣлаютъ явнымъ. Въ доброе старое время всякіе резервы въ тылу передовыхъ позицій, особенно укрытые складками мѣстности, двигались безъ риска быть обнаруженными. И даже въ непосредственной близости непріятеля, предохраняемые аванъ- и флангъ-гардами, двигаясь по благопріятной мѣстности, они представляли собою секретъ, для раскрытія котораго требовалось и много силъ, и много умѣнья, и много времени. Подойдя оврагами къ лѣсу, къ возвышенности, резервъ могъ оставаться въ тайнѣ до послѣдняго момента.

Нынче все измѣнилось. Со своихъ высотъ летчики легко разбираются въ происходящемъ и съ молниеносной быстротой указываютъ мѣсто и характеръ откры-

тыхъ ими войскъ. И все приспособляется къ тому, чтобы обезопасить себя отъ ихъ взоровъ. Приходится, рискуя обстрѣломъ, сосредоточиваться не за рощей, а въ ней, подъ деревьями, подъ навѣсами построекъ; возвышенности перестали быть абсолютнымъ прикрытіемъ; марши предпочтительнѣе производить вечеромъ, ночью и передъ разсвѣтомъ, а ежели днемъ,—то съ большой скоростью, не позволяющей разгадать мѣста назначенія. Траншеи дѣлать по возможности на опушкѣ лѣсовъ и другихъ прикрытій, пренебрегая легкостью прицѣлки по нимъ и дорожа, главнымъ образомъ, защитой отъ взгляда аэронавта. Подвозъ продуктовъ, снаряженія, снарядовъ, эвакуированіе раненыхъ въ сферѣ возможнаго артиллерійскаго огня приходится приспособлять къ возможности авіаціонной развѣдки.

Артиллерія, можно сказать, попала на привязь къ авіаціи. Эта послѣдняя нащупываетъ, намѣчаетъ для нея особо важныя цѣли, поправляетъ стрѣльбу, извѣщаетъ объ успѣхѣ. Это она и опредѣляетъ мѣстоположеніе артиллеріи, и заставляетъ ее обязательно ночью мѣнять позицію. Рѣдко достигаемая для выстрѣловъ, эта воздушная кавалерія, несущаяся со скоростью сотни километровъ въ часъ,—очень невыгодная конкурентка земной, которой не угоняться за своей молніеносной соперницей. Въ ясную сравнительно погоду развѣдку почти всецѣло дѣлаетъ аэропланъ.

Такъ же рѣзко для глаза измѣненіе способа подхода къ атакѣ. Уже въ русско-японскую войну мѣткость скорострѣльной артиллеріи и вліяніе только-что введеннаго пулемета дали себя чувствовать и значительно свели прежнюю концепцію боя въ открытомъ полѣ къ траншейному сидѣнію. Но сравнивать «западный фронтъ» съ фронтомъ маньчжурскимъ нѣтъ никакой возможности. Артиллерія возросла до предѣловъ возможнаго, а пулеметъ,—новичокъ на зарѣ XX вѣка,—сталъ одной изъ

основъ современнаго боя. Врядъ ли я ошибусь, если скажу, что приблизительно на каждые 100—150 метровъ фронта нѣмцы выставили здѣсь одно орудіе и отъ одного до двухъ пулеметовъ. Я думаю, что расчетъ мой грѣшитъ преуменьшеніемъ. И вотъ я вспоминаю прошлыя наши атаки на сжатыхъ гаоляновыхъ поляхъ. Сначала отправляясь ускореннымъ шагомъ, потомъ перебѣжками отъ 100 до 50 шаговъ величиной, атака не имѣла надобности для окончательнаго удара въ штыки закапываться на разстояніи 60-ти шаговъ отъ непріятеля глубоко въ землю. Какъ ни свирѣпъ былъ огонь, но все же такой методъ былъ бы преувеличенъ и не далъ бы результатовъ.

Нынче дѣло обстоитъ иначе. Страшный огонь многочисленной и разнокалиберной артиллеріи заставилъ «срыть» брустверь у окоповъ, представлявшій собой хорошую прицѣльную линію. Онъ загналъ траншею на-чисто въ землю. Пулеметъ же въ связи съ артиллерійской поддержкой развилъ неудержимую тенденцію къ почти полному сліянію вражескихъ окоповъ.

— И это война!—кипитъ, бывало, какой-нибудь изъ офицеровъ, особенно побывавшихъ въ Марокко.—Вмѣсто удара въ штыки—добровольное гніеніе въ проклятыхъ ямахъ. Такой способъ не по намъ, французамъ.

— Подождите,—обыкновенно отвѣчаютъ «старики»,—какъ попадете подъ пулеметы, такъ поймете траншейную войну.

И дѣйствительно, пулеметы «косятъ», какъ траву, наступающія цѣпи. Подъ ихъ свинцовымъ градомъ, сопровождаемымъ мѣткой шрапнелью, не пройдешь, какъ раньше, большого разстоянія. И вотъ фронты траншей на манеръ гигантскихъ амебъ начинаютъ движеніе навстрѣчу другъ другу. Выпустятъ, словно щупальца, впередъ «коммуникаціонныя кишки» и подтягиваются всѣмъ своимъ безконечнымъ корпусомъ, пока не сой-

дуются на 100, а то и на 50 шаговъ промежутка. Противники перекликаются, переговариваются, изучаютъ привычки другъ друга и подводятъ одинъ подъ другого тихой сапой цѣлые... динамитные погреба, чтобы послѣ взрыва, затягивающаго густой пеленой все пространство, быстро перебѣжать въ образовавшуюся во вражескихъ окопахъ воронку и снова... окопаться. Таково логическое развитіе атаки, послѣ того какъ противники, схватившись на Энѣ и не нанеся одинъ другому рѣшительнаго удара, врылись въ землю. И если, не дождавшись момента, когда, накопивъ стратегическіе резервы и пробивъ брешь для того, чтобы влиться въ нее неумолимой волной, можно будетъ двинуться рѣшительно впередъ, одинъ изъ противниковъ предпринимаетъ частную атаку даже съ ближняго разстоянія, передъ траншеями образуются тѣ страшныя мертвыя горы чело-вѣческихъ тѣлъ, которыми такъ богата настоящая война.

Огонь, и особенно пулеметный, начисто измѣнилъ не только подходъ къ атакѣ во время накопленія силъ, но и положеніе кавалеріи. Ей нечего дѣлать до послѣдняго момента тамъ, гдѣ, сойдясь на короткое разстояніе и заполнивъ его проволочными сѣтями, волчьими ямами и т. п., противники остаются въ траншеяхъ цѣлые мѣсяцы. Кавалерія, въ свою очередь, спѣшилась, застѣла въ окопъ, отошла въ резервъ и ждетъ рѣшительнаго натиска, послѣ котораго ей очистится мѣсто и явится возможность развернуть свое стратегическое значеніе какъ при наступленіи, такъ и во время отхода. Ея функции,—развѣдки,—на это время цѣликомъ перешли къ авіаціи и пѣхотѣ, функции связи въ большей части—къ автомобилю и мотоциклету.

И, наконецъ, послѣднее мощное измѣненіе принесъ съ собою войнѣ автомобиль. Старая картина безконечнаго движенія всевозможныхъ обозовъ, ихъ черепашня

медленность въ значительной степени замѣнилась стройной системой быстро несущихся автомобильныхъ секцій. Громадная, въ десятки тысячъ повозокъ съ 40 тыс. шофферовъ, автомобильная армія съ неслыханной раньше быстротой обслуживаетъ дерущіяся войска. Она мчитъ почту, провіантъ, отчасти снаряды. Она эвакуируетъ раненыхъ, позволяя госпиталямъ отодвинуться въ дальній тылъ, гдѣ больше удобствъ. Она разгружаетъ желѣзныя дороги и при параллельномъ шоссе въ нужный моментъ можетъ съ успѣхомъ замѣнить ихъ, оставляя ихъ подъ чисто-боевыя нужды.

Въ непосредственномъ боевомъ значеніи всемогущій моторъ внесъ много новаго. Осѣдланый пушкой и пулеметомъ, онъ далъ въ руки начальника грозный таранъ при наступленіи и мощное прикрытіе при отходѣ. Вооруженный прожекторомъ, онъ сталъ ночными очами войскъ. Заблиндированный, превратился въ прекрасное рекогносцировочное средство.

Служба связи въ ея широкомъ смыслѣ слова пріобрѣла безцѣннаго помощника въ автомобилѣ, и передъ нею открылись широчайшія перспективы, особенно при умѣломъ комбинированіи автомобиля съ аэропланомъ. Благодаря ему полководецъ сталъ подвижнымъ. Онъ не вынужденъ больше обязательно быть прикрѣпленнымъ къ своему кабинету. Его штабъ сумѣетъ по телеграфу ли безъ проволоки, по телефону ли, или иначе держать его въ курсѣ прибывающихъ извѣстій, а онъ самъ на быстрой машинѣ можетъ нестись туда, гдѣ нужно его личное присутствіе, безъ риска оторваться отъ своей главной квартиры.

Въ шоассированныхъ европейскихъ государствахъ благодаря автомобилю появилось новое средство перебрасыванія резервовъ. Помню, какъ въ одно прекрасное утро нашъ полкъ получилъ приказъ выстроиться вдоль дороги, группами по 25 человѣкъ, въ 20-ти шагахъ раз-

стоянія другъ отъ друга. Плавнo и легко подкатили громадныя машины, и черезъ четверть часа мы неслись по живописной Шампани. Мимо насъ летѣли села и города, промелькнулъ полуразрушенный Реймскій соборъ, и вотъ мы уже въ 45-ти верстахъ отъ утреннихъ позицій, свѣжіе и готовые къ атакѣ. Возможно ли что-либо подобное въ прошломъ?

И когда видишь кавалерію, снабженную автомобильнымъ обозомъ, невольно спрашиваешь себя: что бы вышло изъ мищенковскаго рейда подъ Инькоу, если бы вмѣсто безумно-тормозившаго выючнаго обоза и такового же обоза для раненыхъ отрядъ располагалъ современными стальными конями? И врядъ ли бы смогла разыгратъ мукденская обозная паника при замѣнѣ значительной части неуклюжаго войскового обоза легкими машинами.

Во всякомъ случаѣ, при наличности прекрасныхъ шоссе въ Западной Европѣ съ трудомъ представляешь себѣ блужданіе «форсированнымъ» маршемъ резервовъ, столько разъ послужившее къ пораженію большихъ армій и, между прочимъ, значительно способствовавшее нашимъ неудачамъ при Ляоянѣ и Мукденѣ. Теперь не то. Во время марнскаго боя большая часть арміи генерала Манури была переброшена парижскими автомобильными секціями въ Уркъ, и въ общихъ причинахъ блестящей побѣды скромный шофферъ игралъ немалую роль. Автомобиль создаетъ въ своемъ развитіи новыя стратегическія линіи.

Вотъ эти три, основанныхъ главнымъ образомъ на принципѣ быстроты, фактора,—аэропланъ, пулеметъ и автомобиль,—мнѣ кажется, провели на грозномъ ликѣ войны самыя рѣзкія, измѣняющія черты. Конечно, долженъ оговориться снова: рѣчь идетъ о «западномъ фронтѣ», хотя это не мѣняетъ общей сути дѣла въ смыслѣ новыхъ выводовъ, обязательныхъ въ будущемъ для всѣхъ.

Въ будущемъ!.. Логическое развитіе этихъ трехъ страшныхъ силъ въ связи съ возможностью черпанья огромныхъ вооруженныхъ массъ изъ неизсякаемаго источника націй приведетъ человѣчество въ будущемъ къ совершенно необычайнымъ и мало доступнымъ самому смѣлому воображенію картинамъ подземной, земной и надземной войны.

Развѣ что оно во- время остановится...

Западный фронтъ.

Въ предыдущей статьѣ я пытался показать то «новое въ войнѣ», что съ особенной силой проявляется на западномъ фронтѣ. Прибавлю еще нѣсколько штриховъ. «Западный фронтъ» представляетъ собой два непрерывныхъ ряда,—французскій и нѣмецкій,—почти долговременныхъ полевыхъ укрѣпленій. Эти полевые укрѣпленія состоятъ изъ глубоко ушедшихъ въ землю нѣсколькихъ рядовъ траншей, въ зависимости отъ мѣстности соединенныхъ между собой зачастую на протяженіи 3—4-хъ километровъ вырытыми въ землѣ ходами сообщеніями,—«кишками»,—какъ они зовутся у французовъ. У нѣмцевъ траншеи бываютъ бетонированы. Подземные казематы для защитниковъ окоповъ, иногда цѣлая подземная галлерей, особенно между подвалами находящихся на фронтѣ городковъ и деревень,—естественныхъ опорныхъ пунктовъ обѣихъ линій. Оба фронта обслуживаются прекрасной и густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ и знаменитыхъ «національных» французскихъ шоссе. Эти пути сообщенія въ связи съ богатствомъ средствъ передвиженія, т.-е. поѣздовъ, автомобилей и т. д., въ связи съ близостью парковъ, складовъ и резервовъ позволяютъ съ громадной быстротой перебрасывать на какіе угодно пункты войска, ихъ снаряженіе и ихъ питаніе. Самыя траншеи раздѣлены

другъ отъ друга разстояніемъ очень близкимъ и въ большинствѣ случаевъ колеблющимся отъ 400 метровъ и до 15! Есть траншеи, раздѣленные только перегордкой изъ «саковъ»,—изъ мѣшковъ съ землей. Разстояніе между «ними» и «нами» заполнено рвами, волчьими ямами, засѣками, густыми проволочными сѣтями, всякими капканами. Самыя траншеи защищены, во-первыхъ, ружьями стрѣлковъ, невѣроятнымъ количествомъ пулеметовъ, орудіями всѣхъ калибровъ, рогатками и луками, метящими бомбы, ручными гранатами, «пушками-револьверами», старыми орудіями, приспособленными къ метанію воздушныхъ торпедъ, фугасами, минами, приборами для обливанія горячей жидкостью, удушливыми и ядовитыми газами. Въ послѣднее время появились воспламеняющіеся газы. Позади, на укрѣпленныхъ позиціяхъ,—несмѣтная артиллерія, знающая, какъ свои пять пальцевъ, всѣ разстоянія и цѣли...

Въ такихъ условіяхъ всякое наступленіе въ большихъ размѣрахъ кажется невозможной и бесполезной гека-томбой собственныхъ войскъ. Попробуйте пробѣжать подъ концентрированнымъ огнемъ всѣхъ этихъ средствъ истребленія небольшой, но заполненный преградами участокъ земли. А главное—попробуйте вылѣзть изъ собственныхъ траншей въ началѣ наступленія!..

Вотъ почему быстрыя, какъ ударъ молніи, атаки французовъ на отдѣльныхъ пунктахъ западнаго фронта могутъ каждая считаться не только героическимъ, но и *классическимъ* военнымъ примѣромъ.

Возможность всеобщей фронтовой атаки, такимъ образомъ, исключена. Очевидно, что тотъ изъ противниковъ, который бросить въ подобное предпріятіе на 450-тикилометровую крѣпость свою армію, понесетъ колоссальныя потери и не достигнетъ цѣли. Движенія обходныя невозможны: фронтъ упирается съ одной стороны въ море, съ другой—въ швейцарскую границу.

Кромѣ того, невозможно представить себѣ запасовъ артиллерійскаго снаряженія, потребнаго для начала и развитія всеобщей или очень широкой фронтальной атаки. Тутъ нехватило бы и никакихъ человѣческихъ резервовъ, такъ какъ опытомъ установлено, что *только для сохраненія* нерушимости фронта въ настоящихъ условіяхъ западнаго театра войны необходимо имѣть 2.500 человѣкъ на 1 милю, или 1.200.000 человѣкъ на всемо его протяженіи.

Изъ всего вышесказаннаго сама собой вырисовывается стратегія, единственно доступная обоимъ противникамъ: это—пробитіе бреши въ наиболѣе уязвимой или наиболѣе важной по своимъ тактическимъ и стратегическимъ особенностямъ области непріятельскаго фронта и немедленный ударъ въ открывшіеся фланги противника. Въ случаѣ успѣха—отходъ врага съ укрѣпленной линіи,—съ линіи почти долговременныхъ укрѣпленій,—и обрѣтеніе, такимъ образомъ, свободы стратегическихъ операцій для обѣихъ сторонъ,—больше для атакующаго, чѣмъ для отступающаго,—ранѣе скованной этой непрерывной, гигантской траншеей.

Однако для того, чтобы брешь не сыграла роли захлопнувшейся мышеловки, она должна быть относительно широка,—настолько широка, чтобы не позволить перекрестнаго огня противника съ открывшихся фланговъ и чтобы дать возможность влиться широкой лавиной сосредоточеннымъ резервамъ. Врядъ ли я ошибусь, если опредѣлю размѣры подобной бреши не менѣе чѣмъ въ 15—18 километровъ.

Такъ ли, иначе ли, для начала маневра неизбежна фронтальная атака значительнаго участка непріятельской позиціи, превращенной за десять мѣсяцевъ, съ битвы на Энъ, въ почти неприступную крѣпость,—атака, которая на первый взглядъ кажется невозможной или слишкомъ рискованной. Тѣмъ не менѣе мы видѣли въ

послѣднее время нѣсколько изолированныхъ и удачныхъ атакъ со стороны французовъ въ Вогезахъ, цѣлью которыхъ было пріобрѣтеніе доминирующихъ надъ Эльзасскими долинами и ихъ желѣзными дорогами высотъ: взятіе Эпаржа, высящагося надъ Вевромъ и его путями, взятіе высотъ у Ланъ и др. Мы даже видѣли попытку пробитія настоящей брешіи у Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, около Арраса, принесшую въ конечномъ счетѣ только пріобрѣтеніе нѣсколькихъ километровъ и серьезную угрозу для непріятельскаго желѣзнодорожнаго узла подъ Ланомъ. Въ самые послѣдніе дни армія кронпринца навалилась на войска генерала Саррая съ цѣлью прорыва къ Вердену. Эта попытка окончилась для нѣмцевъ, понесшихъ громадныя потери и атаковавшихъ съ во много разъ превосходящими силами, захватомъ участка позиціи въ четыреста метровъ глубиной, къ тому же въ большей своей части уже отбитаго.

Какъ производились эти на первый взглядъ немислимые атаки? Конечно, артиллерійскимъ огнемъ, изверженіемъ потока металла на обреченныя позиціи. Только доведенный до послѣднихъ предѣловъ напряженія артиллерійскій огонь можетъ контръ-балансировать преимущества ожидающаго въ своихъ современныхъ окопахъ противника. «75», «90», «120», длинныя и короткія «римайо» «155», «220», а у нѣмцевъ всѣ калибры, вплоть до «305» австрійской модели, засыпаютъ обстрѣливаемую площадь грудami стали. Съ лица земли сносятся все,—укрѣпленія, сѣти проволоки,—переворачиваются вверхъ дномъ траншеи. Чтобы не дать возможности подойти резервамъ, устраивается «tir de barrage»,—загораживающій огонь, огневая завѣса. Снаряды ложатся, если можно такъ выразиться, сплошной стѣной въ тылу непріятельской позиціи. Содержащіеся въ нихъ удушающіе и ядовитые газы дѣлаютъ эту полосу не-

проходимой. И, когда, послѣ длительного обстрѣла, пѣхота кидается въ атаку на полуотравленные, полуоглушенные остатки противника, засыпая его ручными гранатами, ей все же приходится еще выдерживать страшный бой, въ которомъ лучшимъ оружіемъ служатъ уже не ружья, а складные, выданные нарочито, ножи. Въ узкой «кишкѣ Эйленбурга» рукопашная борьба длилась трое сутокъ! Для того, чтобы овладѣть этой траншеей, французы выкопали параллельный окопъ и, пробѣжавъ въ три минуты раздѣляющее поле ярко-красныхъ маковъ, сошлись грудь съ грудью. Эти трое сутокъ враги дрались въ нестерпимо душной и пыльной (известка) атмосферѣ узкой канавы съ непокрытой головой и въ однихъ рубашкахъ.

Бой подъ Аррасомъ длился около трехъ недѣль. Каждый шагъ покупался дорогой цѣной. И все это время безъ перерыва артиллерія, чтобы дать возможность пѣхотѣ продвигаться впередъ, должна была изрыгать лаву снарядовъ. На небольшое мѣстечко Каренси ихъ было брошено въ четыре часа 20.000, на другой участокъ ихъ упало 300.000 и т. д., и т. д. «Этихъ битвъ нельзя описать,—говорить офиціозное донесеніе,—ихъ надо видѣть»...

Наступленіе подъ Аррасомъ, во главѣ котораго шли *наши волонтеры*, достигшіе, согласно сообщенію главной квартиры, *«успѣховъ, ни разу еще не полученныхъ за послѣдніе семь мѣсяцевъ ни нами, ни германцами»*, было широко задумано. Французы воспользовались сосредоточеніемъ массы австро-германскихъ силъ въ Галиціи и начали пробивать брешь. Вслѣдъ за пѣхотой въ нее должны были врѣзаться кавалерійскія дивизіи, въ томъ числѣ и мой полкъ. Къ этой брешѣ нѣмцы стянули 11 дивизій. Попытка не удалась, но зато она съ несомнѣнной ясностью подчеркнула не только неизбежность ея повторенія въ будущемъ, но и *категорическую*

необходимость обладанія несмѣтными запасами снаряженія для атакующаго. Безъ этого, какъ бы ни былъ высокъ духъ войскъ и страстенъ ихъ энтузіазмъ, какъ бы ни были велики таланты полководцевъ и благоприятны политическіе и стратегическіе моменты, наступленіе на располагающаго такими средствами защиты врага обречено на неудачу или,—какъ въ данномъ случаѣ,—лишь на частичный, хотя и крупный успѣхъ.

И въ числѣ отвѣтовъ, даваемыхъ на тревожный вопросъ, «почему мы не вытѣзаемъ изъ нашихъ траншей, въ то время, какъ силы Австро-Германіи удерживаются отступающей русской арміей», самымъ логическимъ мнѣ представляется отвѣтъ, выраженный приблизительно въ слѣдующей формѣ: «Выборъ момента наступленія зависитъ не столько отъ политическихъ условій и военной обстановки на другихъ фронтахъ войны, сколько отъ богатства артиллерійскихъ запасовъ. У насъ ихъ имѣется болѣе чѣмъ достаточно для защиты, но для движенія впередъ надо гораздо больше».

Къ этому идеалу необходимаго количества военного снаряженія Франція съ Англіей и приближаются съ каждымъ днемъ.

Не надо забывать, что, кромѣ всего прочаго, Франціи еще потому предпочтительнѣе ждать момента окончательнаго накопленія снарядовъ, что она при своей относительной малочисленности населенія не можетъ и не должна рисковать не вполне подготовленнымъ наступленіемъ.

Такова настоящая война,—«война заводовъ», «guerre d'usine». Недавно мнѣ пришлось быть въ обществѣ полковника, завѣдующаго однимъ изъ самыхъ значительныхъ округовъ по приготовленію снарядовъ. Онъ слушалъ всѣ наши соображенія, улыбался и повторялъ: «А въ конечномъ счетѣ вы всегда придете къ заводу; это—«guerre d'usine». Каковы ни были ресурсы Фран-

ції въ этомъ отношеніи, они оказались недостаточными для гигантскаго размаха данной войны, и Франціи пришлось слѣдовать, согласно словамъ того же полковника, слѣдующему принципу: «На голомъ мѣстѣ творить нѣчто, а затѣмъ умножать это нѣчто». Франція раньше насъ поняла невозможность удовольствоваться только существующими специальными заводами и произвести общественную и государственную мобилизацію.

— У васъ—небольшая металлургическая мастерская? Отлично. Сколько вы можете доставлять снарядовъ въ день по такой-то цѣнѣ?

— Сто? Прекрасно. У васъ нѣтъ рабочихъ? Мы вамъ пришлемъ изъ рядовъ арміи; нѣтъ денегъ,—ссудимъ, мало помѣщеніе,—выстроимъ...

Такимъ образомъ получается, что иной маленькій городишко поставляетъ ежедневно пять тысячъ «маринокъ», что въ нашемъ эскадронѣ есть до сихъ поръ небывалая графа «металлуржистовъ», которые и отсылаются на заводы, какъ другіе ихъ товарищи—въ траншеи, что со всѣхъ концовъ страны небольшими ручейками стекаются громадныя количества «munitions» и что во главѣ всего этого дѣла стоитъ въ независимости отъ его принадлежности къ социалистической партіи дѣльный работникъ Альбертъ Томá, такъ же какъ въ Англіи—самый блестящій ея организаторъ Ллойдъ-Джорджъ.

Будь у Франціи наши всеземская и всегородская организации, какихъ изумительныхъ результатовъ достигла бы она уже давно! Но какъ бы тамъ ни было, недостатокъ заранѣе, задолго подготовленной организациі снаряженія, необходимаго для нынѣшней войны, теперь можетъ быть пополненъ только общественно-государственной импровизаціей, требующей прежде всего инициативы, порыва и—увы!—времени, времени и еще времени. C'est la guerre d'usine, —тяжелая и длительная, предъявляющая огромные запросы къ нервамъ.

Стратегія будущего.

Нынѣшняя война—собрание парадоксовъ. Само собой разумѣется, по сравненію съ существовавшими раньше представленіями о ней. Въ самой же себѣ она ничего парадоксальнаго не таитъ и развивается строго-логически, исходя, какъ уже мнѣ пришлось замѣтить однажды, изъ принципа быстроты. Ибо на этомъ принципѣ построены всѣ техническія усовершенствованія современныхъ орудій разрушенія.

Конечно, по первоначалу кажется немного странной простая истина о томъ, что быстрота стрѣльбы пулемета или орудія вызываетъ черепаший ходъ наступленія, что благодаря ей война не протекаетъ, какъ намъ думалось раньше, съ сумасшедшей быстротой, а, наоборотъ, затягивается на безконечный срокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вспомните наши представленія о войнѣ. Изумительные инструменты уничтожаютъ человѣческія массы на большихъ разстояніяхъ, войско гибнетъ, не видя противника, резервы таютъ, и война кончается съ быстротой, пропорціональной быстротѣ дѣйствія орудій разрушенія.

На практикѣ происходитъ какъ разъ обратное явленіе. Мощь разрушительнаго на поверхности земли дѣйствія загоняетъ сражающихся въ землю. Медленно и мучительно пробиваясь подъ земной корой, ползутъ на-

встрѣчу другъ другу колоссальныя арміи и, дополни на близкое до смѣшного разстояніе, застреваютъ на неопредѣленно долгій срокъ, не рѣшаясь, не смѣя вылѣзть на свѣтъ Божій подъ дулами тысячъ и тысячъ въ упоръ наставленныхъ смертоносныхъ инструментовъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ ходѣ войны вмѣсто боя на разстояніи между невидящими другъ друга противниками враги не только дерутся грудь на грудь, но живутъ мѣсяцами въ 100, 50, 20 и даже 5-ти метрахъ разстоянія. Вотъ вамъ первый кажущійся парадоксъ.

Передъ началомъ протекающей нынѣ мировой войны не было сомнѣній въ томъ, что современныя грозныя крѣпости составляютъ очень серьезное препятствіе и что, когда онѣ падутъ, непріятельскую силу удержать будетъ трудно.

Мы же видимъ, что грозныя крѣпости рухнули, какъ карточные домики, что ихъ несокрушимый бетонъ разлетѣлся въ воздухѣ, словно брызги разбитого стекла. Но, взявшія, казалось, непреоборимый барьеръ 42-сантиметровыя чудовища въ безсиліи остановились передъ неглубокими, узкими канавами, наспѣхъ вырытыми въ открытомъ полѣ.

И не только остановились въ безсиліи, но смиренно уступили мѣсто маленькому, ехидному «крупуйо», устроенному изъ оболочки всего-навсего 75-тимиллиметрового снаряда, съ проворностью швыряющему на небольшое разстояніе ручныя, съ хорошую грушу, гранаты.

А люди, годъ тому назадъ молившіеся на чудовищныя, дорого стоящія крѣпости, сегодня совершенно серьезно спрашиваютъ себя: не было ли бы и не будетъ ли болѣе разумнымъ вмѣсто дорого стоящихъ и разлетающихся въ крошки бетонныхъ мастодонтовъ окружить свою родину на всѣхъ границахъ поясомъ нѣсколькихъ рядовъ траншей? Траншей слишкомъ незначительныхъ какъ цѣль для тяжелыхъ орудій, бы-

стро исправляемыхъ и, въ случаѣ надобности, ускользающихъ отъ непріятеля. Въ нихъ можно долго,—очень долго,—защищаться и ихъ можно бросить съ легкимъ сердцемъ, чтобы въ моментъ настроить позади новыя. Въ результатъ этого кажущагося парадокса мы возвращаемся къ нашей старой знакомой, къ «Великой Китайской стѣнѣ», только ушедшей въ землю вмѣсто того, чтобы лѣзть къ небесамъ...

И такъ до безконечности... Загнанные подъ землю берутъ реваншъ въ облакахъ, броненосцы подвергаются участи ихъ земныхъ коллегъ, крѣпостей, съ тою только разницей, что ихъ нечѣмъ замѣнить. Они нужны какъ пловучія батареи противъ прибрежныхъ крѣпостей. Ослѣпительная быстрота автомобилей и желѣзныхъ дорогъ обслуживаетъ черепаший ходъ пѣхоты...

Но все это кажущееся противорѣчіе составляетъ парадоксъ временный. Просто принципу быстроты въ наступленіи человѣкъ не сумѣлъ противопоставить равно быстрой силы въ оборонѣ. И поэтому мы присутствуемъ при попыткѣ углубленіемъ въ землю оттянуть отвѣтъ на поставленный стратегіей вопросъ. Вотъ почему мы видимъ людей, одѣтыхъ въ каски, со стальными нагрудниками, бьющихся въ узкихъ «буайо» (ходы сообщенія) финскими ножами, ручными гранатами, револьверами и всѣми первобытными способами борьбы, вплоть до зубовъ, хотя тѣ же люди обладаютъ коллекціей самыхъ изумительныхъ усовершенствованій въ дѣлѣ разрушенія...

Я не стану множить примѣровъ этого двойственнаго положенія вещей, но постараюсь изъ имѣющихся уже намѣтившихся попытокъ представить логическое развитіе стратегіи, такъ постыдно попавшей на узду къ техникѣ. Понятно, всѣ данныя черпаются мною изъ опыта «западнаго фронта».

Быстрота вызвала медленность, свела къ траншейной,

къ кротовой войнѣ всю борьбу. Быстрота бомбардировки, видимо, сдрейфила передъ углубленіемъ окоповъ. Бѣду пробуютъ восполнить интенсивностью обстрѣла тяжелой артиллеріей, ураганомъ стали и чугуна, переворачивающаго все вверхъ дномъ. Но... траншея уходитъ глубже... Прежній скромный «буайо», открытый сверху, узкій и неудобный, замѣняется просторной подземной галлереей, по которой могутъ катиться,—слышите ли вы?—могутъ катиться автомобили!.. И, когда послѣ страшной канонады во время послѣдней попытки наступленія въ Шампани французскіе солдаты пробѣжали первый рядъ траншей и кинулись ко второму, во многихъ мѣстахъ нѣмецкіе солдаты вылѣзли изъ глубокихъ подземныхъ логовищъ и принялись разстрѣливать въ спину нашихъ «пуалю». Пришлось повторить атаку въ обратномъ направленіи, а потомъ возобновить прерванную, какъ говорятъ на фронтѣ, «работу». И чѣмъ сильнѣе и быстрѣе будетъ огонь, тѣмъ глубже уйдетъ въ землю траншея, вооружась вентиляторами, подъемными машинами, предохранительными фугасами и я не знаю еще чѣмъ. Очевидно, надо искать иное средство,—средство, опять-таки основанное на быстротѣ,—и въ этомъ направленіи работаютъ теперь, безъ сомнѣнія, ученые всѣхъ странъ.

И средство это—не что иное, какъ моментальный взрывъ очень большой площади поверхности,—взрывъ, который могъ бы перевернуть цѣлые километры въ длину и глубину...

Теперешніе взрывы—только слабая тѣнь идеала, къ которому стремится минное искусство, но и они баснословны, но и они ужасны. Въ моментъ открываются колоссальныя воронки, и громадныя количества земли изрыгаются изъ чрева непріятельской позиціи. Какое-то изверженіе...

Но и это средство кажется недостаточнымъ и слиш-

комъ сложнымъ. Человѣчество въ погонѣ за рѣшительнымъ и быстрымъ, какъ молнія, средствомъ не придумалось перешагнуть роковую черту мыслимаго. Съ легкой руки нѣмцевъ въ военное искусство введены страшные зачатки самага послѣдняго и рѣшительнаго средства,—удушающіе газы...

Не надо обманывать себя, не надо заблуждаться. Не то главное, что газы эти въ настоящій моментъ технически не представляютъ дѣйствительнаго оружія. Это обстоятельство, быть можетъ, очень важно для данной фазы нынѣшней войны, но эпизодично въ общемъ ходѣ исторіи. Тогда какъ самый принципъ, заложенный и уже отчасти осуществленный, поставилъ человѣчество передъ пропастью...

Логическимъ завершеніемъ новой чисто-истребительной стратегіи,—стратегіи, основанной на техникѣ,—является стремленіе безъ потерь для себя уничтожить однимъ ударомъ какъ можно больше вражьихъ силъ,—цѣлая армія, всю армію непріятеля, если возможно.

И удушающіе, отравляющіе газы являются первыми шагами, пусть слабыми, пусть неувѣренными, но влекущими за собой логическое продолженіе и логическое завершеніе на томъ наклонномъ къ безднѣ пути, на который толкнула весь міръ Германія... Важенъ принципъ, важна возможность,—дѣло знанія и техники осуществитъ остальное.

А сколько возможностей таятъ въ себѣ электрическія и всякія прочія силы!

Дѣтскими и невинными передъ этой реальностью, глядящей на насъ въ упоръ, кажутся недавнія запугиванья ужасами войны нашихъ пасифистовъ. Никакая самая бѣшеная фантазія не могла придумать того, что уже начала воплощать дѣйствительность.

И врядъ ли теперь въ подлунной найдется человекъ,—настоящій солдатъ и настоящій человекъ,—ко-

торый съ полной искренностью могъ бы сказать,—какъ зачастую это говорилось передъ войной,—что она неизбѣжна, а подчасъ и желательна. По крайней мѣрѣ, сколько я ни видѣлъ,—а видѣлъ я много,—людей, побывавшихъ въ современномъ огнѣ,—всѣ они говорятъ то, что только-что сказалъ мнѣ генераль, командующій нашимъ отрядомъ,—бравый, старый вояка, всю жизнь готовившійся къ войнѣ и дерущійся беззавѣтно за свою Францію:

«Единственное утѣшеніе—это то, что мы участвуемъ въ послѣдней войнѣ. Иначе ужасно было бы остаться въ живыхъ»...

Такъ говорятъ не пасифисты, а люди ремесла, люди, посвятившіе всю свою жизнь военному дѣлу.

Поистинѣ нужны для того большія причины. Эти причины лежатъ въ стратегіи будущаго, нѣкоторыя изъ основныхъ чертъ которой мы уже видимъ теперь, и которой ничто не помѣшаетъ осуществиться, если человечество не возстановитъ, не разовьетъ потеряннаго имъ моральнаго чутія и простого чувства самосохраненія...

„Цвѣтное“.

«Западный фронтъ» — подлинно какой-то лоскутный фронтъ. Онъ амальгамировалъ всѣ націи, всѣ расы міра и въ отличіе отъ вавилонскаго столпотворенія повелъ ихъ разноязычную массу сомкнутымъ строемъ на хитро возведенную башню нѣмецкаго военного могущества.

Кого только нѣтъ на фронтѣ, нѣсколькими рядами траншей бѣгущемъ отъ Сѣвернаго моря по узкой полосѣ разбитой Бельгіи, круто заворачивающемъ къ Артуа и черезъ Аргонны подходящемъ къ Шампани, пересекающемъ ее, проходящемъ мимо знаменитаго ряда крѣпостей Туль—Верденъ—Эпиналь и неожиданно сворачивающемъ въ Эльзась, чтобы упереться въ горы нейтральной Швейцаріи. Около милліона англо-саксонцевъ во всѣхъ образцахъ: тутъ есть представители всѣхъ областей Англіи въ ихъ своеобразныхъ костюмахъ, канадскія и австралійскія дивизіи, скоро пріѣдутъ бурскія войска ген. Бота. Тысячъ 200 бельгійцевъ, позабывшихъ свое дѣленіе на фламандцевъ и валлоновъ; горделивые поляки, масляноглазые греки, мрачноватые испанцы, проворные португальцы, вспыхивающіе итальянцы, есть шведы, аргентинцы, датчане, американцы, сербы, болгары, армяне, грузины, татары и т. д., и т. д. И даже Германія дала своихъ добровольцевъ не только

въ лицѣ эльзасцевъ и поляковъ, но и подлинныхъ нѣмцевъ, отрেকшихся отъ стараго насильническаго отечества. Отъ Австріи есть представители: чехи, поляки, кроаты; отъ Турціи: армяне, евреи и сами турки... Эта пряность сочетанія не такъ давно еще усилилась отъ подбавки нѣсколькихъ тысячъ суфражистокъ и японскихъ лазаретовъ.

А дальше,—дальше мы видимъ важныхъ и очаровательныхъ индусовъ, пріѣхавшихъ со своими стадами козъ, быстрыхъ какъ вѣтеръ, гномообразныхъ гурковъ, потомковъ вольной конницы Массиниссы, матовыхъ спаговъ, бронзовыхъ алжирскихъ стрѣлковъ-арабовъ и черныхъ, какъ агаты, сенегальцевъ. Изъ горъ Пенджаба, изъ далекаго Индо-Китая, Мадагаскара, Гвіаны, Конго, Алжира и Туниса, изъ Канады, Сѣверной и Южной Америки, Австраліи и Новой Зеландіи,—со всѣхъ концовъ міра, словно на какой-то феерическій смотръ націй, собрались лучшіе по возрасту и здоровью ихъ представители. Соблюдена вся гамма цвѣтовъ, отъ бѣлаго до ослѣпительно чернаго. Фономъ же служатъ французы,—армія французской республики.

Исторія въ недоумѣніи остановится передъ этимъ фантастическимъ фактомъ, передъ этой стоязычной, колоссальной арміей, предводительствуемой скромнымъ, добродушнымъ старикомъ, «дѣдушкой Жоффриомъ»,—передъ арміей, гдѣ между двумя полюсами высшей цивилизаціи и первобытной жизни умѣстилось все современное общество во всѣхъ его мыслимыхъ социальныхъ оттѣнкахъ и гдѣ бокъ-о-бокъ идутъ дикій сенегальскій негръ и восторженный мечтатель социалистъ...

* * *

Какимъ страннымъ и неожиданнымъ было наше первое траншейное впечатлѣніе! Мы вышли глубокимъ вечеромъ изъ Верси, расположенной на вершинѣ воз-

вышенности, и извилистой дорогой спускались къ невидимой и, казалось, роковой долинь. Синеватя звѣзды на темномъ небѣ и мракъ со всѣхъ сторонъ... Батальонъ двигался, насторожившись, готовый каждую минуту припасть къ землѣ, слиться съ ней, стать незамѣтнымъ для гигантскихъ полосъ свѣта, прорѣзывающихъ ночь, тихую ночь ласковой Шампани, и какимъ-то чудомъ не добѣгающихъ до насъ. Мы шли, затаивъ дыханіе, серьезные, взволнованные, съ чѣмъ-то большимъ въ груди, растущимъ, ширящемся и захватывающимъ все существо. Мы шли навстрѣчу неизвѣстному, навстрѣчу смерти... И никогда потомъ не повторялось это торжественное, проникновенное настроеніе первой ночи. Даже забубенные легіонеры подпали подъ власть непередаваемого очарованія, а о волонтерахъ и говорить нечего.

— Ахъ, до чего хорошо, лейтенантъ,—шепнулъ правофланговый секціи Померанцевъ.—Такъ бы и шель, и шель всю ночь напролетъ.

— На душѣ хорошо,—добавилъ покойникъ Крикунъ. И снова все замолкло, лишь осторожный топотъ тысячи ногъ сливался въ одинъ неясный гулъ съ шопотомъ листьевъ умирающей осени и съ какими-то невѣдомыми намъ шорохами надвигающейся долины.

Вотъ мы перешли темный каналъ, постояли во дворѣ таинственной постройки, нынче уже не существующей мельницы Силлери. Офицеры поднялись въ сопровожденіи высокаго статнаго негра во второй этажъ, прошли какими-то узкими, неосвѣщенными переходами и лѣстничками и попали въ большую на глухо закрытую комнату. За столомъ передъ картой, чуть-чуть озаряемой блѣднымъ свѣтомъ ночника, сидѣлъ командантъ «марсуэнъ», офицеръ колоніальной пѣхоты. И этотъ сенегалецъ, и изрубленное лицо спокойнаго «марсуэна», и заброшенная таинственная мельница надъ темнымъ

каналомъ, и эта тихая, жуткая ночь, и уже ощущаемая близость невидимаго врага сливались во что-то одно своеобразное, почти фантастическое цѣлое.

Командиръ кратко показалъ намъ на картѣ расположеніе окоповъ.

— Впрочемъ, днемъ сами увидите все, что надо. Эй, Амаду, проводи батальонъ въ траншеи.

Безконечной змѣей, по одному, вытянулись роты вдоль желѣзнодорожнаго полотна. Впереди, словно гигантская ящерица, скользилъ Амаду между всякими изгородями, проволоками и ямами. Перешли полотно,—маленькая рощица, а изъ нея—узкая, длинная соединительная «кишка», и вотъ мы въ открытомъ полѣ, въ неглубокихъ траншеяхъ. Насъ ждутъ. Ночь стала свѣтлѣе, какія-то странныя фигуры сбились на невысокомъ брустверѣ. Напрасно унтеры сгоняютъ ихъ съ опаснаго мѣста, онѣ не сходятъ, оставляя для скорости смѣны траншеи свободными для нашего передвиженія. Приглядываемся... Сенегальцы! Такъ вотъ чѣмъ объясняется непостижимое присутствіе Амаду на силлерійской мельницѣ...

Ихъ феерическіе костюмы слиняли, головы закутаны тряпками, они жмутся и мерзнутъ, бѣдные дѣти Сенегала. Легіонъ—ихъ старый африканскій знакомый, случайно повстрѣчавшійся въ траншеяхъ Шампани.

— Э, камрадъ, балэсъ? Какъ дѣла, товарищъ?—на африканскомъ волапюкѣ освѣдомляется Дамсенъ у великолѣпнаго негра. Тотъ скалитъ зубы.

— Па бонъ безефъ, камрадъ, па шо. Немного хорошо, товарищъ, не тепло.

— Что вы, черти, съ ума сошли,—разговаривать!—вмѣшивается сержантъ. Сенегальцы торопливо прыгаютъ черезъ окопы, моментально выстраиваются и смутнымъ, извивающимся силуэтомъ ускользаютъ въ «кишку», и вотъ ужъ ихъ нѣтъ, и мы одни смотримъ поверхъ бруствера въ грозную невѣдомую даль.

Днемъ я брожу по рощицѣ, что позади, у желѣзной дороги. Она вся выбита зловѣщими воронками, запружена наваленнымъ лѣсомъ и разбитыми «гурби» (шалашами) изъ дорожныхъ шпаль. Повсюду одинокія могилки. На крестахъ повѣшены кѣпи, на одномъ деревянный обводъ барабана,—здѣсь мѣсто упокоенія «тамбура», на многихъ какіе-то странные пояса изъ кожаныхъ амулетовъ.

— Что это такое?

— Гри-гри, мой лейтенантъ,—отвѣчаетъ капраль Перрашъ, уже распоровшій одинъ изъ амулетовъ.

А, «гри-гри»... чудодѣйственный сенегальскій талисманъ, съ которымъ нѣтъ ни смерти, ни несчастья. Его можно получить у колдуна тамъ, далеко, далеко, въ жаркой Сенегаліи.—А если что случится, такъ это значитъ, что колдунъ далъ плохой «гри-гри».

И на «гри-гри» химическимъ карандашомъ выведено, очевидно, рукой европейскаго товарища: «тирайеръ Берика». Почему Берика, носившій «гри-гри» вокругъ тѣла, подписалъ его? Боялся кражи? Такъ ли, или иначе,—талисманъ не спасъ бѣднаго стрѣлка... И много ихъ валяется по роцѣ...

Я смотрю на выпотрошенную внутренность амулета. Черные, жесткіе волосы, кусокъ кожи, сухая земля родины и еще какія-то нераспознаваемые вещи.

— Гри-гри—важная штука,—повѣствуетъ Перрашъ.—Съ нимъ сенегалецъ ничего на свѣтѣ не боится и на самого дьявола въ атаку пойдетъ.

Особенно много погибло ихъ въ первыхъ бояхъ. Непривыкшіе въ марокканскихъ войнахъ къ современнымъ методамъ войны, чернокожіе неслись впередъ, безпечные какъ дѣти, безъ всякихъ приспособленій къ косящему огню. Но если ихъ яростная атака доносилась до нѣмецкихъ траншей, врагу приходилось жутко. Недавно еще во взятой сенегальцами траншеѣ ея защитни-

ки, объятые ужасомъ и безсильные, плакали въ нервномъ потрясеніи. Они сначала плохо приспособлялись къ траншейному сидѣнію, къ минной и артиллерійской войнѣ, къ зимнимъ холодамъ, но потомъ привыкли ко всему. Ихъ безудержная атака сдѣлала ихъ однимъ изъ мощныхъ тарановъ, и марокканскія дивизіи постоянно перебрасываются на автомобиляхъ въ пункты, откуда начинается французское наступленіе. Передъ зарей, снявъ обувь, съ ножами въ рукахъ, они ползутъ, словно змѣи, до непріятельской линіи, а потомъ съ дикимъ крикомъ несутся сметающимъ ураганомъ на окопы.

«Цвѣтныя» войска оказали колоссальную услугу Франціи своими десятками тысячъ прекрасно выдрессированныхъ и сильныхъ солдатъ. Ихъ перевезли въ самомъ началѣ войны, когда еще не успѣла сорганизоваться нынѣшняя безчисленная армія, хотя главная масса «цвѣтныхъ», а въ особенности англійскихъ цвѣтныхъ, пришла зимой. Странную картину представлялъ собою во время боевъ на Изерѣ Ипръ, служившій средоточіемъ колоніальныхъ войскъ. У его готическихъ церквей и рынка собирались спаги, арабы, индусы, негры, зуавы, шотландскіе стрѣлки, альпійцы и бельгійскіе лансье...

«Цвѣтныя войска»—гордость и слабость французовъ. Для нихъ экзотическіе молодцы—родъ сладкаго недуга. Когда въ началѣ войны черезъ Парижъ безконечнымъ потокомъ лились черные, какъ смоль, въ фескахъ, въ расшитыхъ курткахъ и разноцвѣтныхъ широкихъ шароварахъ, высокіе, гибкіе сенегальцы, быстро маршировали сбитые изъ бронзовыхъ мускуловъ, проходящіе до 80-ти километровъ въ день, арабы и гордо ѣхали, закутанные въ бѣлые бурнусы и тюрбаны, спаги, парижане были въ какомъ-то бреду. Имъ швыряли цвѣты, кричали привѣтствія, и цѣловали, зацѣловывали...

По своей культурѣ колониальная армія очень разнообразна. Спаги или арабы стоятъ по сравненію съ сене-гальцами на высокой степени развитія. Особенно арабы, пользующіеся въ Алжирѣ многими благами культуры и свободного политическаго режима.

Въ госпиталѣ, гдѣ мнѣ пришлось залѣчивать рану, находился спагъ, кумиръ мѣстныхъ дамъ, «de bonne volonté» обслуживавшихъ лазаретъ. Мусса Али Бенъ Синуси—старый красавецъ, африканскій кавалеристъ *rag excellence*. Прибыль онъ изъ - подъ Ипра. Скромный, добрый, ухаживающій за ранеными товарищами, необычайно правдивый и по-восточному любезный, Мусса завоевалъ общія симпатіи. Старикъ Бертье приносилъ ему подарки, докторъ Ляви одобрительно хлопалъ «*beaux gars*» по плечу, и даже аббатъ Тиссандье тратилъ на магометанина свое драгоценное время, отрывая его отъ приносимыхъ имъ «религіозныхъ заботъ», большей частью состоявшихъ въ игрѣ въ шашки и въ маниль съ ранеными солдатами. Казалось невозможнымъ, чтобы этотъ добрый человѣкъ могъ кого-нибудь обидѣть. Но вотъ въ одинъ прекрасный день, уступая общимъ просьбамъ, Мусса разсказалъ о своихъ подвигахъ. Подобравшись, какъ хищный звѣрь, спагъ короткими, сѣкущими жестами показывалъ, какъ онъ «рѣзалъ нѣмецкія кабешъ» (головы). А отрубилъ онъ ихъ... четырнадцать. Глаза его горѣли, онъ прыгалъ во всѣ стороны, издавая гортанные звуки и ловко разсѣкая воздухъ правой рукой. Окружающіе и не рады были. А потомъ стихъ, улыбнулся и превратился въ добраго, важно-наивнаго ребенка.

Теперь Мусса снова гдѣ-то на сѣверѣ, шлетъ писанные каракулями благодарственные письма и въ каждомъ изъ нихъ проситъ поклониться «мадамъ-капитанъ»,—русской медичкѣ, завѣдывавшей госпиталемъ.

Интересно видѣть этихъ простодушныхъ дѣтей пу-

стыни среди блеска благотворительнаго спектакля въ залитой огнями Орéга Comique. Жадно устремленные на сцену глаза, горящія щеки... Чтò думаютъ о такомъ великолѣпнѣ ихъ бѣдныя головы и какъ кружатся онѣ отъ предупредительнаго отношенія бѣлыхъ?

Я видѣлъ одного изъ нихъ, изслѣдуемаго радиоскопомъ. Онъ со страхомъ и любопытствомъ смотрѣлъ на таинственныя приготовленія, старательно вытянувъ раненую руку. Но когда быстро завертѣлся загорѣвшійся зеленоватымъ огнемъ шаръ и послышался трескъ искръ, негръ забился въ нервной лихорадкѣ и, зажмуривъ глаза, ни за что не хотѣлъ взглянуть на экранъ. Колдовство привело его въ ужасъ.

Простодушіе чернокожихъ нѣмцы пробовали использовать, предлагая плѣннымъ сражаться противъ французовъ. Негры не только отказались, но жестоко оскорбились подобнымъ предложеніемъ. Такая же неудача постигла германцевъ и съ плѣнными мусульманами-арабами. Никакія ссылки на союзъ съ Турціей и «священную войну» не помогли. Не подвинули дѣла и привозимыя изъ Турціи духовныя лица. Арабы остались вѣрны. И немало ихъ двинули въ Дарданеллы противъ турокъ. Единственнымъ результатомъ вывѣсокъ о «священной войнѣ», выставлявшихъ нѣмцами противъ траншей, занятыхъ алжирскими стрѣлками, явилось непрестанное лазанье послѣднихъ за этими аншлагами въ цѣляхъ полученія военнаго отличія.

Да еще поднятіе температуры... Приходилось размѣщать отдѣльно раненыхъ сенегальцевъ и нѣмцевъ, потому что у негровъ отъ присутствія враговъ... поднималась температура!

— Нѣмцы,—увѣрялъ меня не одинъ обезьяноподобный сенегалецъ,—«шовась» (sauvages—дикіе). Надо «бошамъ» рубить «кабешъ»...

Такъ неожиданно предомилось въ ихъ мозгу поня-

тіе о своемъ европейскомъ противникѣ, выступающемъ противъ нихъ во всеоружіи современной культуры вплоть до воспламеняющейся жидкости и удушливыхъ газовъ.

Въ свой роковой споръ Европа вмѣшала, втянула народы, для которыхъ весь сложный комплексъ причинъ мировой войны—пустой звукъ. Чтò говоритъ имъ великая хартія европейской демократіи, вставшей противъ военной Германіи? Они о ней и не слыхали... Идеологія ихъ проста. Франція (я говорю о низшей по развитію части войскъ,—о сенегальцахъ) *освободила ихъ отъ рабства*. О, да, одну эксплуатацію она при этомъ замѣнила другой, но *для нихъ, для солдатъ*, она явилась доброй матерью. Она, эта далекая Франція, одѣла ихъ въ блестящія одежды, оплатила ихъ военный трудъ. Она содержитъ ихъ женъ и дѣтей, и въ Африкѣ рядомъ съ лагеремъ солдатъ всегда на средства Франціи содержится лагерь ихъ семей. И даже въ Марокко и Алжирѣ они перевозятся съ ними же на пароходѣ. И когда въ неясной, фантастической легендѣ до глухихъ поселковъ Сенегала долетѣла вѣсть о войнѣ и о томъ, что Франціи нужны «тирайеры», со всѣхъ сторонъ къ «администратору» потянулись бывшіе солдаты, вплоть до сѣдыхъ стариковъ. Только они сначала не могли повѣрить, что имъ придется воевать не съ цвѣтнымъ врагомъ, какъ въ Марокко, а съ настоящими бѣлыми европейцами.

Франція имъ платитъ хорошо, кормитъ прекрасно, женамъ выдаетъ въ день по 35 сантимовъ, а это—большія деньги въ ихъ деревняхъ, да еще на дѣтей добавляетъ. Въ случаѣ же раненія или смерти—пенсія. Перспектива производства въ капралы или сержанты и неизбѣжной, послѣ извѣстнаго ряда лѣтъ службы, пенсіи.

Какъ же не любить имъ, наемникамъ, послѣ этого Францію? Я не забуду, какъ на брюссельской выставкѣ

передъ французскимъ колоніальнымъ отдѣломъ бельгійская толпа постоянно глазѣла на персоналъ, состоявшій изъ сержантовъ-негровъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день въ «Soir» появилось ихъ возмущенное открытое письмо къ брюссельцамъ съ протестомъ противъ подобнаго третированія «гражданъ Французской республики». Глазѣютъ на нихъ, конечно, и во Франціи, но глазѣютъ съ своеобразной гордостью и любовью, выраженной по-моему лучше всего въ самой модной пѣсенкѣ, сложенной по поводу лонгшанскихъ парадовъ, гдѣ экзотическое войско являлось одной изъ главныхъ достопримѣчательностей, и съ концомъ, приуроченнымъ къ текущему моменту. Въ ней разсказывается о прекрасномъ сенегальцѣ, съ зубами, какъ изъ слоновой кости, пришедшемъ вмѣстѣ со своимъ полкомъ изъ Африки на парадъ 14-го іюля. Этотъ бравый молодець, Бу-ду-ба-да-бу, очаровалъ парижанку-блондинку. Но—увы!—недѣля быстро прошла, и полкъ снова ушелъ въ Африку. Съ горя блондинка пишетъ письмо «мосье Пуанкарэ» съ просьбой сказать, гдѣ ея милый, для того, чтобы, «если государство заплатитъ за мой билетъ», самой ѣхать въ глубину Африки разыскивать Бу-ду-ба-да-бу. Но вотъ однажды къ ней входитъ легіонеръ: «Мадемуазель, я вамъ привезъ новости объ одномъ изъ моихъ друзей, которому я обѣщаль сказать вамъ то, что я скажу!.. Его звали Бу-ду-ба-да-бу. Онъ исполнилъ свою обязанность до конца. И онъ умеръ въ одномъ бою, тамъ, далеко. Да, но умирая, онъ снялъ со своей груди свой прекрасный крестъ чести (военная медаль). Мадемуазель, это—для васъ. Это была единственная драгоцѣнность бѣднаго Бу-ду-ба-да-бу».

Французы опоэтизировали свое цвѣтное войско. Но употребили его, конечно, ни въ всякой поэзіи, какъ страшное оружіе противъ страшнаго врага. Такъ же, не мудствуя лукаво, далекіе отъ всякихъ обоснованій прокля-

той войны, пошли вѣрные Франціи и контракту бронзовые и чернокожіе солдаты. Частью сами пошли, большей частью обязаны были пойти, ибо на то и нанимались. И единственно правильнымъ на мой взглядъ будетъ красивое сравненіе, приведенное Пьеромъ Миллемъ въ его рассказахъ о легіонѣ... Однажды Барнаво запротестовалъ. Длинный рядъ лѣтъ, проведенный въ бояхъ въ Африкѣ и не принеший ему ничего, показался Барнаво безплоднымъ. И вотъ собесѣдникъ разсказалъ старому легіонеру то, что было давно, на зарѣ цивилизаціи. Въ трюмѣ триремы гребутъ рабы. Надсмотрщикъ Геродіонъ хлещетъ ихъ кнутомъ, плечи и руки ноютъ отъ работы, въ трюмѣ жарко и темно. Долго такъ плыла трирема въ ряду другихъ. И вотъ гребцы услышали сверху шумъ и стоны раненыхъ. Началась великая битва. Столкнулись вражьи триремы, и весла сломались въ рукахъ, и много рабовъ пало убитыми и ранеными. Но ихъ замѣнили другими. Съ еще большей силой свисталъ кнутъ, и еще тяжелѣе была работа. И такъ длилось семь дней. И когда на седьмой день они вошли въ Александрію, толпы народа встрѣтили ихъ на залитой солнцемъ пристани. Что-то мягкое падало на палубу, въ воду, ударялось о стѣны, проникало въ трюмъ, падало на ихъ плечи. То были розы, розы, розы. Народъ Александріи осыпалъ ихъ розами. И несчастные изъ глубины трюма спросили всѣ разомъ:

— Геродіонъ, Геродіонъ, почему народъ Александріи кидаетъ намъ розы?

Тогда Геродіонъ громко закричалъ:

— Дурачье! Это за побѣду, которую *мы одержали* при Акціумѣ.

— А,—сообразилъ Барнаво,—мы спасаемъ цивилизацію, сами того не зная, какъ эти рабы въ глубинѣ трюма.

Врядъ ли сенегалцы беспокоятся о судьбахъ этой цивилизаціи. Но ихъ роль тѣмъ не менѣе такова.

Великое дѣло.

«Ну, завтра мы поѣдемъ съ вами въ Ліонъ смотрѣть школу раненыхъ», сказалъ мнѣ докторъ нашего полка м-г Вейжеръ. Вейжеръ—ліонецъ, знаетъ тамъ всѣхъ и вся, и я уже давно просилъ его познакомить меня съ инициаторомъ дѣла, мэромъ города и сенаторомъ Эррио (Herriot).

Вотъ мы и въ Ліонѣ. Передъ нами—безсмертное со-зданіе Мопена: чудесное зданіе городской Думы, возведенное въ половинѣ семнадцатаго вѣка. Проходимъ подъ сводами ажурной галлерей, попадаемъ въ самое зданіе и сквозь анфиладу залъ подходимъ къ кабинету мэра. Насъ уже ждутъ. М-г Марсо, завѣдующій рядомъ соціальныхъ работъ муниципалитета, усаживаетъ насъ въ городской автомобиль, и черезъ мгновеніе мы несемся по шумнымъ улицамъ «второго города Франціи», мимо знаменитаго фонтана эльзасца-скульптора Бартольди на площади Терро, пересѣкаемъ Сону и узкими улочками выносимся къ подъему Сень-Жюсть. Сверху—волшебный видъ на громадный городъ, разсѣченный двумя красавицами рѣками, Соной и Роной, сливающимися на его окраинѣ. Автомобиль несется дальше, къ Point-du-Jour. Вотъ и Турвіэль,—цѣль нашего путешествія.

Однако, прежде чѣмъ войти въ нее, я попробую въ

нѣсколькихъ словахъ дать предварительное понятіе о томъ, что выше было названо «школой раненыхъ».

Кому изъ васъ не знакома печальная фигура калѣки, протягивающаго руку на улицахъ городовъ? Калѣки, зачастую украшеннаго медалью... Жертва войны... Прохожій суетъ въ руку подаваніе и спѣшитъ по своимъ дѣламъ, а старый солдатъ продолжаетъ невеселое занятіе, стучить по тротуару самодѣльной деревяжкой-ногой и просить милостыню.

Во Франціи этого давно уже нѣтъ. До 1670 года раненый, «перевязанный хирургомъ и излѣченный Богомъ», выбрасывался на улицу. Но уже Генрихъ IV и Людовикъ XIII начали сосредоточивать раненыхъ въ различныхъ убѣжищахъ. Въ 1668 г. Людовикъ XIV издаетъ статутъ относительно ихъ призрѣнія. Всѣ аббатства, имѣющія больше 1.000 ливровъ дохода, обязаны вносить извѣстную сумму для содержанія особаго дома для раненыхъ. Къ этой суммѣ присоединяются процентныя отчисленія съ экстраординарныхъ военныхъ расходовъ. Черезъ шесть лѣтъ воздвигается изумительное зданіе «Инвалидовъ». Судьба калѣкъ обезпечена. Однако уже Вольтеръ потребовалъ измѣненія системы. «Раненый,—писалъ онъ,—можетъ быть полезнымъ работникомъ; онъ можетъ дать, кромѣ того, отечеству дѣтей». Полковникъ Арданъ де-Пикъ, самъ павшій на полѣ битвы, подошелъ къ вопросу съ исключительной суровостью. «Первоначальная идея была идеей справедливости, христіанской идеей; но результаты получились ужасающей безнравственности. Это собраніе бездѣльниковъ представляетъ собою школу растлѣнія, гдѣ инвалидъ-солдатъ теряетъ, погрязши въ пороки, право на уваженіе».

«Дворецъ Инвалидовъ» существуетъ и по сию пору. Но существуетъ и многое другое. Государство не ставитъ нынче солдата-калѣку передъ перспективой зато-

ченія на всю жизнь или нищетой. Оно даетъ теперь каждому потерявшему ногу, руку или зрѣніе около 1.000 франковъ пенсіи, включая туда же и пенсію на военную медаль, какъ правило выдаваемую въ нынѣшнюю войну всѣмъ тяжело раненымъ. Словомъ, оно въ значительной степени обезпечиваетъ *«инвалида»*. Кромѣ того, государство же оставляетъ для него рядъ мелкихъ чиновничьихъ мѣстъ. «Но всего этого недостаточно,—говоритъ Эрріо,—намъ больше *не надо инвалидовъ*. Невозможно, чтобы искалѣченный современной войной двадцатилѣтній солдатъ былъ обреченъ всю свою жизнь на бездѣятельность, хотя бы и самую славную. Съ этимъ не мирится разумъ! Надо возвратить солдата къ *полной и нормальной* жизни. Нельзя позволить искалѣченному вернуться къ себѣ домой, не вооружившись ремесломъ. И нельзя поддерживать въ немъ иллюзіи, что онъ можетъ жить на пенсію плюсъ жалованье мелкаго чиновника, являющееся плохо организованной государственной милостыней. Не довольно ли уже намъ несчастныхъ, благодаря этой иллюзіи? Мы должны подумать объ участи искалѣченнаго, лишеннаго своего ремесла. Сначала его будутъ чествовать; вы знаете, какимъ образомъ. Но время идетъ, и настанетъ, можетъ быть, день, когда онъ не пойдетъ въ кабакъ своихъ друзей... Вотъ почему надо дѣйствовать на него теперь же, и не принужденіемъ, но убѣжденіемъ. Надо ему дать понять, что для него существуютъ «профессіональныя школы раненыхъ», гдѣ онъ будетъ принять на безплатный пансіонъ *съ сохраненіемъ его пенсіи и прибыли съ работы*, какъ только онъ сможетъ работать. Опытъ показалъ, что есть двадцать ремеслъ, чтобы не сказать больше, которымъ наши раненые герои могутъ научиться. И только одна работа, только одна она можетъ дать человѣку ту тройную,—моральную, интеллектуальную и профессиональную,—автономію, которая

обеспечить его достоинство и поможет ему основать семью».

Итакъ, не надо намъ больше инвалидовъ. Но замѣнь ихъ создадимъ во всѣхъ провинціяхъ Франціи *«профессіональныя школы раненыхъ»*.

Великая идея уничтоженія инвалида и возвращенія калѣки къ полной, *интегральной* жизни была брошена Эрріо въ газетѣ «Journal» 23-го ноября 1914 г. Черезъ семь дней городъ Ліонъ рѣшилъ поддержать своего мэра и создать первую школу. Черезъ мѣсяцъ она функционировала. А вскорѣ изъ разныхъ городовъ Франціи посыпались въ мэрію запросы и просьбы совѣтовъ. Мечта Эрріо стала осуществляться въ широкихъ размѣрахъ. На-дняхъ былъ первый выпускъ перерожденныхъ калѣкъ, — *инвалиды пересталъ существовать!* Въ Парижѣ разомъ открывается нѣсколько школъ, и дѣло принимаетъ характеръ національный. И уже образовался національный комитетъ перевоспитанія инвалидовъ.

Теперь войдемъ въ Турвіэль.

Это—прекрасное имѣніе, раньше принадлежавшее конгрегаціи, теперь же городу. Уютный домъ, окруженный громаднымъ садомъ-огородомъ. Воздухъ чистъ и благоуханенъ. Навстрѣчу намъ выходитъ молодой чело­вѣкъ, м-г Гиршфельдъ, временно завѣдующій учрежденіемъ. Противъ входныхъ дверей—маленькій павильонъ; заглядываемъ въ него. Это—ванная, но какая! Прекрасный душъ, нѣсколько ваннъ и,—я бы сказалъ,—голландская чистота...

— Наши «увѣчные» любятъ мыться.

Входимъ въ домъ, поднимаемся въ первый этажъ. Всюду—та же образцовая чистота. Стѣны начисто выбѣлены, до трети выкрашены масляной краской; комнаты полны солнца и воздуха.

— Муниципалитетъ, — объясняетъ намъ хозяинъ, —

прежде чѣмъ переселить сюда раненыхъ, произвелъ много передѣлокъ, а главное—пробилъ новыя окна въ стѣнахъ.

Вотъ мы и въ «классахъ». «Ученики» дѣтые въ форму школы, очень сходную съ формой альпійскихъ стрѣлковъ, но съ гербомъ города,—золотымъ львомъ,—вмѣсто номера части, сидятъ, поджавъ ноги, на длинномъ столѣ и шьютъ. Посрединѣ «класса»—черная доска. «Профессоръ»,—невысокій, симпатичный старичокъ,—знакомится съ нами и съ мѣста въ карьеръ начинаетъ расхваливать своихъ воспитанниковъ.

— О, г-нъ лейтенантъ, они очень трудолюбивы и вкладываютъ въ дѣло много доброй воли.

Однако я ничего не понимаю. Передо мной, какъ на подборъ одинъ къ одному,—веселые, краснощекіе здоровяки. И невольно спрашиваю:

— Но гдѣ же ампутированные?

— Да это они и есть!—подхватываетъ профессоръ.— У нихъ у всѣхъ отнято по ногѣ, только сразу незамѣтно въ сидячемъ положеніи.

Я смотрю и не вѣрю. Меня окружаетъ атмосфера физическаго и, чувствуется, моральнаго здоровья. Дѣлюсь впечатлѣніемъ съ завѣдующимъ. Онъ улыбается.

— Видѣли бы вы ихъ раньше,—говоритъ онъ,—ну, хотя бы, когда нѣкоторые изъ нихъ вернулись изъ плѣна. Худые, блѣдные, робкіе, неувѣренные въ себѣ и будущемъ. Черезъ двадцать дней ихъ невозможно узнать. Здоровая, трудовая жизнь въ идеальныхъ условіяхъ, надежда,—больше того: полная вѣра,—въ возможность возвращенія домой полезнымъ членомъ общества ихъ *перерождаютъ* совершенно.

Ампутированные шьютъ,—кто жилеты, кто пиджаки, кто брюки. Присматриваюсь,—работа отчетливая и хорошая.

— Только шестой мѣсяцъ,—съ гордостью заявляетъ

профессоръ,—а какъ они будутъ шить къ концу года! Настоящими мастерами сдѣлаю!

Онъ подходитъ къ одному изъ солдатъ, поворачиваетъ его головой къ намъ.

— Оглохъ, бѣдняга, приходится, объясняя, кричать изо всѣхъ силъ; кромѣ того, нѣтъ большого пальца на рукѣ и отнята нога. Такъ онъ шьетъ лѣвой рукой, да какъ! Я вотъ не могу, а онъ шьетъ.

На доскѣ профессоръ даетъ урокъ кройки. Мы выходимъ.

Я спрашиваю завѣдующаго о методѣ занятій и учительскомъ персоналѣ.

— Наши профессора нами выбраны среди хозяевъ лучшихъ лѳонскихъ мастерскихъ. Они получаютъ столъ и 300 франковъ ежемѣсячно. Порядокъ дня слѣдующій: въ 6 часовъ встаютъ, пьютъ утреннй кофе. Отъ 8-ми до 12-ти—занятія съ маленькимъ перерывомъ въ 10 часовъ для завтрака. Отъ полудня до 2-хъ—отдыхъ. Отъ 2-хъ до 6-ти—снова занятія. Въ 6½—обѣдъ. Послѣ обѣда по четвергамъ и все воскресенье свободны,—могутъ итти въ отпускъ.

— Мы, т.-е. школа, выдаемъ каждому ученику *ежедневно* 1 фр. 25 сант. (около 50-ти копѣекъ) карманныхъ денегъ. Кромѣ того, вы видите, они уже недурно работаютъ, и много магазиновъ даютъ школѣ заказы. *Вся* прибыль дѣлится *поровну* между всѣми учениками одного и того же класса, что даетъ возможность собрать кое-какія деньги къ окончанію курса. Курсъ же—годовой.

— На какія средства содержится школа?

— Зданіе даетъ городъ. Онъ сдѣлалъ на свой счетъ всѣ передѣлки. Онъ же управляетъ дѣломъ и въ случаѣ недостатка средствъ придетъ на помощь деньгами. На каждого раненаго военное министерство отпускаетъ *высшую степень* содержанія, а именно 3 фр. 25 сан-

тимовъ (около 1 руб. 20 коп.) ежедневно. Но главный источникъ доходовъ—частныя пожертвованія, притекшія съ особенной силой послѣ горячихъ статей Эррио и Барреса. Одинъ только генеральный совѣтъ Ронской провинціи пожертвовалъ 30.000 франковъ.

— Какова будущность вашихъ воспитанниковъ?

— Это зависитъ отъ ремесла. По большей части наши увѣчные—крестьяне и рабочіе. Первые мечтаютъ вернуться въ свои деревни. Какъ вы знаете, около тысячи франковъ имъ обезпечено пенсіей. Портные и сапожники смогутъ открыть свои маленькія мастерскія. Кто останется въ городѣ, тому особое бюро по приисканію мѣстъ всегда найдетъ заработокъ. Да, мы уже завалены просьбами ліонскихъ хозяевъ, и нашему выпуску будущность обезпечена впередъ. Столяры останутся въ городѣ или въ деревенскихъ уже существующихъ столярныхъ. Переплетчики—въ городѣ. Самой же многочисленной категоріи нашей школы,—садоводамъ,—прямой путь къ себѣ въ деревню, гдѣ они явятся разсадниками знанія. Но этотъ выпускъ будетъ цѣликомъ удержанъ городомъ для обслуживанія городскихъ садовъ. Наша вторая школа, на улицѣ Раше, prepares счетоводовъ, бухгалтеровъ, стенографистовъ, дактилографовъ, коммивояжеровъ. Съ одной вѣдь рукой такъ же легко ѣздить, какъ и съ двумя. Поступившіе въ нее уже имѣютъ предложенія отъ своихъ прежнихъ хозяевъ поступить къ нимъ же, но уже въ качествѣ счетоводовъ и т. д. Многіе изъ воспитанниковъ будутъ держать экзамены на полученіе почтовыхъ и административныхъ должностей. Школа дѣлится на три группы: низшую, среднюю и,—наиболѣе многочисленную,—высшую. Первая группа prepares мелкихъ служащихъ. Во второй преподаются исторія, географія, ариметика въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Третья занимается счетоводствомъ и стенодактилографіей. Нѣкто-

рые же—языками: англійскимъ и даже русскимъ. Это—будущіе комми-вожеры. Нашъ первый выпускъ былъ весь *расхвтанъ*, и результаты онъ далъ прекрасные. Кромѣ того, у насъ имѣется классъ игрушекъ. Это—въ родѣ вашего кустарнаго ремесла. И мы надѣмся, что раненые положить первый камень въ дѣлѣ созданія національной игрушки взамѣнъ нюренбергскихъ издѣлій.

— На какихъ условіяхъ вы берете учениковъ?

— Мы идемъ въ госпитали, въ депо выздоравливающихъ, въ поѣзда возвращающихся ампутированными изъ плѣна, объясняемъ цѣль нашей школы и то, что въ ней они будутъ *долго и по-настоящему работать*. Изъ желающихъ мы беремъ только тѣхъ, *кто твердо рѣшилъ работать и учиться*. Условія: раненый свободенъ какъ вступить, такъ и выйти изъ школы. Школа, въ свою очередь, свободна отослать неудовлетворительнаго ученика. «Ваше содержаніе госпитальное не будетъ измѣнено. Ваше жалованье останется тѣмъ же плюсъ небольшая сумма на табакъ и вся прибыль съ работы, когда вы достаточно подучитесь». Вотъ и все.

— Вотъ и все! Да вѣдь это—великое дѣло, вѣдь это прекрасно!...

Мы вошли въ классъ сапожниковъ. Та же чистота, то же здоровье, трудолюбіе и веселье. Въ столярной мастерской раненые стоятъ на аппаратахъ, тогда какъ въ первыхъ двухъ классахъ они ихъ снимаютъ.

— Вся мебель нашей школы сдѣлана нами,—съ гордостью говорить столярный профессоръ.

Я смотрю на хорошо сработанные ночные столики, на столы, стулья и съ трудомъ вѣрю, что это—дѣло рукъ людей, которыхъ принято считать калѣками. Великое, святое дѣло...

Мнѣ подносится подарокъ,—кольцо для салфетки со змѣей,—произведеніе одного изъ увѣчныхъ.

— А вотъ дортуары.

Изъ оконъ, выходящихъ въ садъ,—чудный видъ. Въ спальнѣ—море свѣта и воздуха. Все чисто и уютно. Спускаемся внизъ по лѣстницѣ. Насъ обгоняютъ безногіе и безрукіе. Они спѣшатъ къ умвальникамъ въ большой комнатѣ внизу, моются и разсаживаются въ столовой. Передъ каждымъ приборомъ—четверть бутылки вина.

— Однако они бѣгаютъ не хуже нашего,—замѣчаю я.

— Такъ ли еще,—говоритъ завѣдующій.—Разъ въ часы отдыха я услышалъ страшный шумъ. Что же вы думаете? Это одноногіе играли въ войну. Они взяли костыли «на руку» и кинулись въ атаку съ такой быстротой, что я глазамъ не вѣрилъ. Вотъ только садоводамъ нѣсколько неудобно,—ихъ деревьяжки уходятъ немного въ гряды. Впрочемъ, мы вносимъ улучшенія.

Изъ столовой доносится вкусный запахъ. Дамы-доброволицы разносятъ блюда съ мяснымъ.

— У насъ ѣда хорошая, а чтобы быть увѣреннымъ, что она—хорошая, мы завели порядокъ обѣдать вмѣстѣ съ нашими питомцами.

Дѣйствительно, я вижу администрацію и «профессоровъ», сидящихъ впережку съ ранеными. Въ залѣ стоитъ веселый, семейный шумъ.

— Фрукты у насъ свои, овощи свои,—дѣло рукъ нашихъ садоводовъ.

Мы прощаемся и садимся въ автомобиль. Спускается вечеръ. Автомобиль несется къ Ліону. Чувство сожалѣнія о покинутой Турвіэль и чувство восхищенія передъ хорошимъ дѣломъ и его инициаторами охватываетъ насъ. Въ первый разъ за годъ проклятой войны я вижу дѣло, направленное не къ истребленію, а къ возрожденію человѣка,—къ его счастью.

* * *

Загораются огни въ Ліонѣ, отражаются въ обѣихъ сестрахъ рѣкахъ; автомобиль мчится внизъ. Мелькаютъ

улицы, Сона, и вотъ мы вновь во дворцѣ мэріи. Этотъ дворецъ стиля Людовика XIII и итальянскаго Возрожденія кажется еще красивѣе и стройнѣе вечеромъ. Насъ проводятъ въ кабинетъ Эрріо.

Я передаю ему свое восхищеніе, свои впечатлѣнія, свою надежду, что его примѣръ вызоветъ подражаніе и въ Россіи. Эрріо вспоминаетъ пріѣздъ петроградскаго городского головы гр. И. Толстого, говоритъ о Россіи, о русскихъ газетахъ. Его сужденія оригинальны, интересны и вѣрны. Сильная фигура, характерное, чрезвычайно энергичное и умное лицо этого бывшего профессора литературы какъ нельзя лучше гармонируютъ съ дѣловой и художественной обстановкой чудесной комнаты, служащей ему кабинетомъ. Онъ еще молодъ. И въ моментъ своего избранія въ сенатъ только на 8 дней переступилъ минимумъ сенаторскаго возраста,—сорокъ лѣтъ. За четыре года работы въ сенатѣ зарекомендовалъ себя однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ и талантливѣйшихъ членовъ высокаго собранія. Объ его дѣятельности въ Ліонѣ говорятъ многочисленныя и прекрасныя соціальныя учрежденія.

Съ Россіи мы снова переходимъ на «школы раненыхъ».

— О, да,—говоритъ онъ,—мы кое-что сдѣлали, но еще многое впереди. Между прочимъ, мы устраиваемъ теперь третью, самую интересную и нужную школу,—школу протеза. Вы не понимаете? Дѣло въ томъ, что, какъ вы замѣтили, мы беремъ нашихъ учениковъ изъ депо и госпиталей, не дожидаясь, когда государство выдастъ имъ обязательный аппаратъ. И они у насъ начинаютъ работу безъ него. Такъ вотъ, въ ходѣ занятій ампутированнымъ самимъ становится понятнымъ, какого рода приборы нужны *для данной работы*. Нѣкоторые изъ нихъ уже сдѣланы спеціальныя приборы для спеціальныхъ занятій. Намъ пришла мысль поставить дѣло на широкую ногу и не только обезпечить

раненымъ заработокъ, но съ ихъ помощью открыть новый періодъ ортопедіи. Вы понимаете?.. Тысячи, сотни тысячъ молодыхъ людей вплоть до своей смерти будутъ нуждаться въ аппаратахъ. Слѣдовательно, рынокъ громаденъ. Съ другой стороны, при развивающихся «школахъ раненыхъ» эти бывшіе инвалиды будутъ нуждаться въ *аппаратахъ трудовых* и притомъ самыхъ разнообразныхъ. Кому же, какъ не ампутированнымъ, подъ руководствомъ лучшихъ ортопедистовъ и хирурговъ приступить къ этому дѣлу? Оно у насъ уже на мази...

Я въ краткихъ словахъ передалъ суть прекраснаго и великаго дѣла замѣны инвалида полнымъ человѣкомъ,— дѣла, начатаго и поддерживаемаго Эрріо и докторомъ Карль. Оно, какъ я уже говорилъ, становится національнымъ, и почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ открыты или открываются новыя школы. Есть школы слѣпыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безрукихъ, безногихъ. Человѣчество все же подвинулось впередъ не только въ дѣлѣ истребленія...

Плѣнные.

Странные люди русскіе плѣнные! Что бы имъ сидѣть спокойно въ плѣну по примѣру прочихъ воюющихъ... Такъ нѣтъ же,—бѣгутъ и бѣгутъ во всѣхъ направленіяхъ, словно вода сквозь плотину просачивается. Въ Данію, въ Голландію, въ Швейцарію, во Францію и даже въ Италію умудряются попасть наши солдатики. Какъ? Непостижимая загадка, разрѣшеніе которой возможно только для русскаго человѣка, проникающагося мудрымъ правиломъ «смѣлость города беретъ» или «авось кривая вывезетъ».

На-дняхъ около десяти такихъ бѣглецовъ умудрились пройти въ *разныхъ* пунктахъ глубокіе нѣмецкій и французскій фронты, *не будучи при этомъ замѣченными*. Одна группа къ концу своего путешествія разглядѣла изъ лѣска, въ который она къ утру запряталась, солдатъ въ красныхъ штанахъ, мирно ловившихъ... въ рѣчонкѣ рыбу.

— Э, братцы, да это наши, французы!

Другіе двое въ своемъ устремленіи къ югу,—путеводителемъ ихъ была полярная звѣзда,—переплыли нѣсколько рѣкъ. Одинъ, въ концѣ-концовъ, утонулъ, оставшійся въ живыхъ добрался до французскаго фронта.

— Такъ мы и шли по ночамъ,—пояснялъ онъ,—что-

бы сѣверная звѣзда позади оставалась. Народу - то и днемъ на поляхъ нѣтъ, а ночью и подавно.

Трое путь свой держали по небеснымъ примѣтамъ въ Швейцарію. Вошли въ нее, почти прорѣзали весь сѣверъ Федерациі и готовились проникнуть въ... Австро-Венгрію, когда, по счастью, были задержаны.

— Идемъ мы, да идемъ. Только замѣтили насъ. Мы бѣжать, они за нами. Одинъ отсталъ,—его забрали. Потомъ сгребли другого. Остался я одинъ. Все иду, да иду по дорогѣ. Вижу гонить на меня на велосипедѣ штатскій. Я было бѣжать, а потомъ рѣшилъ: будь что будетъ. Доѣхалъ онъ до меня, спрашиваетъ что - то, лопочетъ по - своему.

— Я—швиць,—говорю ему,—а чтобы понятнѣе было пальцемъ на себя показываю. Лопочетъ цивилиный, ничего разобрать невозможно.

— А ты,—спрашиваю,—тоже швиць? А земля,—показываю ему на землю,—вокругъ тоже швиць? Разсмѣялся цивилиный и покатилъ прочь. А я въ лѣсокъ, на всякій случай. Смотрю: черезъ десятокъ минутъ несутся на велосипедахъ человѣкъ двадцать. Я бѣжать; ну, они меня сгребли. Оказалось,—дѣйствительно Швейцарія! Вымыли, накормили, спать уложили. Хорошій народъ. Тутъ я и съ товарищами сошелся.

Рекордъ побилъ поручикъ Р.... Онъ прорылъ въ своемъ лагерѣ длинный подкопъ, спасся чрезъ него и въ продолженіе 11-ти сутокъ, вѣрнѣе—ночей, промаршировалъ *двадцати пятьдесятъ* километровъ. Шелъ по запасенной заранѣ картѣ, питался, главнымъ образомъ, рѣпой на поляхъ. Наконецъ, дошелъ до Швейцаріи. Переплылъ пограничное озеро, вошелъ въ первое мѣстечко, въ гостиницу, заявилъ, кто онъ такой, и попросилъ комнату. Смертельная усталость свалила Р.... на кровать, но не прошло и часа, какъ хозяинъ гостиницы разбудилъ его. Въ чемъ дѣло?

— Внизу,—объяснилъ онъ,—собрались граждане нашего городка, чтобы выразить вамъ свое уваженіе и почтить васъ банкетомъ.

Однако Р.... совершенно не въ силахъ былъ принять приглашеніе. Черезъ часъ его снова разбудили.

— Быть можетъ, вы сможете сойти? Граждане не хотятъ уйти, не повидавъ васъ.

Дѣлать нечего: пришлось сойти. Въ залѣ за накрытыми столами поручика ждали именитые представители мѣстечка. Чествованіе, тосты, вино,—и все это происходило въ нѣмецкой Швейцаріи...

Бѣглецы въ одинъ голосъ говорятъ о плохомъ обращеніи нѣмцевъ специально съ русскими плѣнными и совершенно невозможной пищѣ, достаточной, чтобы не умереть съ голоду, но недостаточной для предотвращенія полнаго изнеможенія.

Впрочемъ, то же самое рассказываютъ французскіе «grands blessés» и вернувшійся съ ними медицинскій персоналъ, удержанный нѣмцами до сихъ поръ вопреки международнымъ соглашеніямъ.

— Въ лагерѣ плѣнныхъ, гдѣ мы провели нѣсколько мѣсяцевъ,—говорятъ доктора,—русскихъ держали отдѣльно отъ французовъ. Обращеніе съ ними было отвратительное, доходящее порой до кулачной расправы. Съ нами, съ французами, дѣло обстояло иначе. Нашъ солдатъ, по природѣ независимый и веселый, очень скоро взялъ моральный перевѣсъ надъ своими стражами. Кромѣ того, мы не были отрѣзаны отъ міра, какъ большинство вашихъ соотечественниковъ. Въ концѣ-концовъ дѣло наладилось такъ, что мы стали получать парижскія новости черезъ три—четыре дня по ихъ появленіи въ газетахъ Франціи. Какъ? Тутъ доктора описали цѣлую серію нелегальныхъ способовъ, и не снившихся даже нашимъ профессионаламъ-революціонерамъ,—способовъ, породившихъ новую отрасль промышленности...

— Чтобы охарактеризовать французскій юморъ и независимость, съ которой они держатся въ плѣну, я расскажу вамъ слѣдующій случай. Вообще наши плѣнные выполняютъ всякіе наряды и работы безъ всякаго пыла и какъ можно хуже: работать на «бошей» имъ вовсе не улыбается. Но вотъ въ одинъ прекрасный день вызываютъ добровольцевъ на посадку картофеля. Всѣ бараки, какъ одинъ человѣкъ, записываются на работу. «Боши» въ восторгѣ отъ неожиданнаго прилива французскаго усердія. Наши «пуалю» въ количествѣ трехсотъ отправились съ утра въ огороды, вернулись къ вечеру. Раздобыли откуда-то сала, и закипѣла стряпня. Во всѣхъ углахъ жарилась... картошка. Прошелъ мѣсяцъ—другой,—ростковъ нѣтъ какъ нѣтъ. Спыхватились «боши»: разрыли гряды, а тамъ ничего, пусто... Тутъ только поняли они причину необычайнаго добровольчества французовъ. По правдѣ сказать, мы не очень страдали отъ пищи, потому что почти не ѣли ея. Отвратительную жижу, даваемую по утрамъ, теплую водичу, картошку и прочія прелести въ обѣдъ и ужинъ мы часто замѣняли посылками, присылаемыми изъ Франціи. Нельзя сказать, чтобы такимъ образомъ получалось изобиліе, но жить было можно. Въ дни полученія посылокъ наши «пуалю» отдавали свой казенный паекъ русскимъ плѣннымъ. Надо было видѣть, съ какой жадностью несчастные русскіе солдаты выскребываютъ котлы, въ которыхъ варилась пища, какъ они набрасываются на добавокъ, уступаемый имъ нашими «пуалю». Мы вообще не совсѣмъ беззащитны. Такъ, послѣ битвы подъ Марной комендантъ въ отместку прекратилъ выдачу пива. Мы нашли способы извѣстить объ этомъ «Matin». И немедленно же пиво было возобновлено.

Вотъ объ этой-то помощи французскимъ плѣннымъ, рикшетомъ, въ видѣ уступки части пайка, отзываю-

щейся на нашихъ солдатикахъ, я вспомнилъ въ зданіи ліонской мэріи передъ посѣщеніемъ «школы раненыхъ».

Мы стояли подъ аркадами ея ажурной галлерей, когда мой спутникъ сказалъ:

— А вотъ m-me Эррію, я представлю васъ ей.

M-me Эррію, очаровательная дама, супруга городско-го головы и сенатора, предложила намъ проводить ее въ ея «*oeuvre*». Мы съ поспѣшностью согласились. Вошли въ партеръ мимо бронзовыхъ фигуръ Роны и Соны и поднялись по лѣстницѣ, украшенной стѣнной живописью Бланше. Вотъ мы и въ «большой праздничной залѣ». Ея громадныя золоченыя люстры свѣсились не надъ совсѣмъ привычной картиной. Роскошная зала, убранная гобеленами, полотнами извѣстныхъ мастеровъ, нарядная и блещущая, наполнена рядомъ длинныхъ столовъ, заваленныхъ массой всякихъ вещей. У столовъ молодыя дѣвушки и пожилыя женщины дѣлаютъ какіе-то пакеты, снуютъ во всѣхъ направленіяхъ. Тихая, но энергичная работа кипитъ въ этой залѣ, предназначенной для блестящихъ пріемовъ и празднествъ.

Однако пора сказать, что «*oeuvre*» m-me Эррію есть не что иное, какъ оказаніе помощи военноплѣннымъ. Возникло это большое дѣло по ея инициативѣ. Ліонскій муниципалитетъ предоставилъ въ ея распоряженіе помѣщеніе и далъ свой патронатъ; частныя пожертвованія (около 165-ти тысячъ франковъ за шесть мѣсяцевъ) поставили «*oeuvre*» на ноги. Недавній визитъ президента республики, сопровождавшійся оставленіемъ нѣкоей суммы, безъ всякаго сомнѣнія, усилить притокъ пожертвованій и разовьетъ это хорошее дѣло. Но уже и теперь въ своихъ сравнительно небольшихъ размѣрахъ оно можетъ служить моделью подобнаго рода начинаній, которыхъ разсѣяно по всей Франціи великое множество, чѣмъ и объясняется благополучіе французскихъ плѣнныхъ.

— Посмотрите, что мы кладемъ въ пакеты,—говорить m-me Эррю и вытаскиваетъ изъ незащитаго мѣшка его содержимое:—во-первыхъ,—хлѣбъ. Мы его посылаемъ или въ видѣ спеціального хлѣба, не черствѣющаго и не портящагося, или, какъ видите, бисквитами.

Я вижу прекрасные солдатскіе сухари-бисквиты.

— Сухарей,—продолжаетъ она,—посылается каждый разъ отъ 2-хъ до 3-хъ кило (5—7¹/₂ фунтовъ), затѣмъ мы вкладываемъ туда же полфунта шоколада, консервы съ мясомъ или овощами, кусокъ мыла. Фабриканты продаютъ намъ все со скидкой.

Она демонстрируетъ передо мной называемые предметы, и я убѣждаюсь въ томъ, что консервы—отъ лучшихъ фирмъ. Среди нихъ попадаются даже «деликатесы».

— Наша посылка вѣситъ ровно пять кило (12¹/₂ фунтовъ). И такъ какъ мы посылаемъ нашимъ постояннымъ питомцамъ три раза въ мѣсяцъ, то это представляетъ въ день и на человѣка ливръ (1¹/₄ фунта) хорошей ѣды, что, конечно, помогаетъ ему сносно переносить условія жизни въ плѣну.

— Какъ же вы посылаете эти посылки, откуда у васъ адреса, и доходятъ ли онѣ по назначенію?

— О, что касается послѣдняго, то почта дѣйствуетъ очень аккуратно. Посылки направляются непосредственно въ Германію, via Швейцарія. Какъ видите, мы сначала завертываемъ все въ гибкій картонъ, придаемъ однообразную, правильную форму, завязываемъ, вкладываемъ въ мѣшокъ изъ прочной бѣлой матеріи,—она пригодится въ обиходѣ плѣнныхъ,—наглухо зашиваемъ и надписываемъ на мѣшкѣ: «Военноплѣнному»; затѣмъ имя, фамилію, чинъ, номеръ барака, палатки, роты и т. д. Название лагеря надписывается красными чернилами, съ указаніемъ провинціи. Посылки идутъ бесплатно. Въ то же время мы посылаемъ плѣнному,—опять-таки безъ оплаты марками,—открытку съ отвѣтомъ. Въ ней увѣ-

домляемъ его о посылкѣ и просимъ по полученіи ея извѣстить насъ. На отрывномъ отвѣтѣ напечатаны какъ нашъ адресъ, такъ и вся формула отвѣта, такъ что плѣннику остается только подписать свою фамилію. Всѣ посылки доходятъ по назначенію. Однѣ — быстро, другія, — особенно тѣхъ, кто взять на разные работы, — съ опозданіемъ, но *всѣ доходятъ*. Откуда мы беремъ адреса? Это очень просто. Мы обслуживаемъ главнымъ образомъ Ліонъ и его провинцію. Прежде всего въ газетахъ помѣщается обращеніе къ несостоятельнымъ родственникамъ плѣнныхъ съ предложеніемъ сообщить точные адреса послѣднихъ. Затѣмъ просимъ мэровъ коммунъ дать листы плѣнныхъ ихъ коммунъ и т. д. Какъ только мы имѣемъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о плѣнномъ, они заносятся на спеціальныя для каждого плѣнника карточки, помѣщаемыя въ алфавитномъ порядкѣ и раздѣленныя на двѣ графы: первая — отправки, вторая — получки. Каждый разъ, какъ посылка отправляется, въ соответствующей графѣ дѣлается помѣтка; когда приходитъ расписка въ полученіи, это заносится въ другой графъ. Такимъ образомъ, мы ведемъ не только статистику отправокъ и полученныхъ для каждого плѣнника, но и времени, нужнаго для путешествія посылки. Теперь у насъ много адресовъ. Во-первыхъ, посылаютъ товарищи тѣхъ плѣнныхъ, которымъ попадаютъ наши посылки. А затѣмъ дѣло стало широко извѣстнымъ, и теперь у насъ нужда уже не въ адресахъ, а въ средствахъ. Ахъ, вотъ кстати переведите мнѣ письмо, пришедшее, по всей видимости, отъ русскаго плѣннаго.

Я взялъ открытку у m-me Эрріо. На ней съ нѣмецкой аккуратностью были отпечатаны на русскомъ языкѣ не только мѣсто нахождения, но и всѣ правила переписки военноплѣнныхъ. А затѣмъ шелъ текстъ письма:

«Прошу извинить Общество помощи плѣннымъ го-

рода Ліона, что я обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой во французскій комитетъ, хотя я самъ—русскій. Только такъ, что сношенія съ Россіей очень затруднительны и еще неизвѣстно намъ, есть ли тамъ подобныя Общества. Я бы не осмѣлился затруднить васъ, но у меня мать померши, а у отца ноги отнявшись, и кромѣ того, остались малые братья и сестры. Очень прошу ліонское Общество помочь мнѣ ѣдой, а то плохо приходится и помощи ждать неоткуда»...

Я перевелъ m-me Эрріо посланіе моего несчастнаго соотечественника, и въ этотъ моментъ его надежды, навѣрное, оправдались.

— Что же, всѣ эти дамы и дѣвицы, навѣрное, добровольцы?

— О, нѣтъ. Онѣ всѣ получаютъ по 2½ франка въ день (1 рубль) за ихъ работу. Наше дѣло въ тѣсной связи съ другимъ муниципальнымъ начинаніемъ,—доставленіемъ работы безработнымъ. Вотъ, напримѣръ, одежда для плѣнныхъ. Въ первый разъ мы посылаемъ обыкновенно пару чулокъ, рубашку, кальсоны, два платка и несессеръ для починки. Затѣмъ, если плѣнный просить,—одежду. Но съ одеждой пришлось пуститься на хитрость. Дѣло въ томъ, что германское правительство не разрѣшаетъ передачу штатскаго платья, облегчающаго побѣгъ, наше же—не даетъ военного. Мы рѣшили посылать бархатные брюки и пиджаки военного покроя съ придуманными лацканами и лампасами. И не военное, и не штатское. Вся эта бѣльева и одежная часть требуетъ много труда по изготовленію, передѣлкѣ, починкѣ и т. д. Впрочемъ, вотъ m-г Марсо, онъ вамъ это лучше расскажетъ.

M-г Марсо провелъ насъ въ слѣдующую комнату, въ салонъ Louis XIII, гдѣ между кучами бѣлья сидѣли работницы. Это такъ называемый «увруаръ».

Я попросилъ его объяснить мнѣ систему «увруаровъ».

— Дѣло вотъ въ чемъ. «Увруары» основаны городомъ задолго до войны. Но, когда вспыхнула послѣдняя, мы рѣшили перенести центръ тяжести работы изъ нихъ на домъ. Руководствовались мы слѣдующими четырьмя принципами: разгрузить «увруары» отъ работницъ, научившихся изготовлять безъ присмотра военную форму, и тѣмъ самымъ дать возможность занять ихъ мѣста обученія новымъ силамъ; прекратить эксплуатацію женскаго труда безсовѣстными антрепренерами; позволить женамъ мобилизованныхъ или бѣженцевъ увеличить ихъ пособіе (50 копеекъ + 20 копеекъ въ день на каждого ребенка) заработной платой и, наконецъ, оставить возможность матерямъ, работая у себя, присматривать за ихъ дѣтьми. Часть работы намъ была доставлена «Обществомъ помощи плѣннымъ», громадную помощь оказало военное вѣдомство, давшее намъ заказы. Въ этой и слѣдующей залахъ мы открыли школу шитья, закройщицкую и магазинъ для складки и выдачи матеріаловъ. Женщины, умѣющія шить, подучаются въ продолженіе нѣкотораго времени изготовленію военной одежды. Чрезъ наши руки ихъ прошло около 3.000 человекъ. Затѣмъ онѣ получаютъ работу на домъ...

— Слѣдовательно, вы даете работу и матеріаль всѣмъ желающимъ?

— О, нѣтъ. Онѣ должны удовлетворять нѣсколькимъ требованіямъ. Удовольствіе въ добропорядочности, требуемое военной властью, квитанція уплаты за квартиру и семейная книжка. Въ расчетной книжкѣ каждой работницы вписывается номеръ по порядку, онъ же ставится на матеріаль, даваемый ей на домъ, для того, чтобы знать въ случаѣ плохого исполненія работы, кто виновникъ. Расчетная книжка регулируется каждую субботу. Работница можетъ забирать съ собой матеріаль на всю недѣлю, но съ тѣмъ расчетомъ, чтобы дневной заработокъ не превышалъ 3—3½ франковъ

(1 руб. 20 к.—1 руб. 40 к.), что нами признано вполне достаточнымъ для прожитія и что исключаетъ всякое антрепренерство и эксплуатацію вторыхъ рукъ. Таковы въ краткихъ чертахъ принципы дѣла, руководимаго инспектрисой ліонскихъ «увруаровъ» m-me Жоссеранъ.

Къ этой картинѣ можно прибавить, что въ Ліонѣ такихъ «увруаровъ» было въ началѣ войны 31, что работу получаютъ около 10-ти тысячъ женщинъ, изготовляющихъ военную одежду, бѣлье, бѣлье и одежду для дѣтей, женщинъ и мужчинъ, заказываемая частными магазинами, и т. д., и т. д.

Въ длинной цѣпи прекрасныхъ соціальныхъ учреждений города Ліона не малое мѣсто занимаютъ рестораны для кормящихъ матерей, основанные по инициативѣ мэра m-г Эррію до войны. Въ нихъ каждой женщинѣ, пришедшей съ груднымъ ребенкомъ и имѣющей въ груди молоко, дается безъ всякихъ опросовъ имени и національности ѣда, состоящая изъ мяса, овощей, десерта, хлѣба, молока или вина. Интересно отмѣтить, что за три мѣсяца до войны число обѣдовъ, выданныхъ матерямъ, равнялось 32-мъ тысячамъ, въ три же мѣсяца, послѣдовавшіе за началомъ военныхъ дѣйствій, ихъ было отпущено 73 тысячи. Комментаріи излишни. То же самое можно сказать и о бесплатныхъ «коммунальныхъ супахъ», которыхъ было отпущено со 2-го августа по 15-е ноября 589 тысячъ!..

Впрочемъ, я черезчуръ отклонился отъ своей первоначальной темы. Надѣюсь, что читатель не посѣтуетъ на меня за это. Вѣдь такъ рѣдко приходится писать и говорить во время войны о вещахъ, истинно полезныхъ человѣчеству и прекрасныхъ въ самихъ себѣ.

„Спасительный незнакомец“.

Въ самомъ началѣ войны, когда свирѣпой волной *громадная* германская армія покатила по неожиданшей, несмотря на всѣ предвидѣнія, *такой* «колоссальности» Франціи, инстинктивно взоры французовъ устремились на одно и только одно свойство Россіи,—именно на ея человѣческіе резервы. Въ Россіи нашли друга, могущаго противопоставить «бошамъ» еще болѣе многочисленныя войска.

И такъ какъ во Франціи о русскихъ дѣлахъ царили самыя фантастическія представленія, то легко можно себѣ вообразить, въ какой формѣ они вылились на ходкіе газетные листы и во что претворились въ головахъ, и такъ уже предрасположенныхъ къ російской фантастикѣ читателей.

— Это было въ началѣ войны,—какъ-то говорилъ мнѣ одинъ изъ видныхъ начальниковъ,—когда мы были увѣрены, что ваши казаки черезъ нѣсколько дней ворвутся въ Берлинъ. Казаки съѣдаютъ по пути всю провизію, ихъ лошади уничтожаютъ жатву...—И онъ самъ засмѣялся ироническому способу выраженія своихъ тогдашнихъ представлений о казакахъ, иначе говоря—о *Россіи*. Ибо Россія и казаки, это—почти синонимы, такъ же какъ казакъ въ представленіи иностранца неотдѣлимъ отъ понятія «knout»,—кнутъ,—«nagaika»...

Бывало пристають ко мнѣ офицеры:

— Не правда ли, генераль NN прекрасный генераль? Oh, c'est un chic type...

Дался имъ этотъ генераль!.. И газеты, и стоустая молва возвели его ни болѣе ни менѣе, какъ въ національные російскіе герои. Безъ него не мыслилась побѣда, это онъ олицетворялъ казачество, Россію, русскую армію.

Напрасно я старался убѣдить вопрошавшихъ, что между бравымъ генераломъ и тремя вышеупомянутыми элементами весьма мало связи, и совѣтовалъ имъ почитать отзывы объ его военныхъ талантахъ въ рапортахъ иностранныхъ военныхъ атташе въ русско-японскую войну и отчетъ Куропаткина. Французы твердо забили себѣ въ голову, что русскія массы вѣрятъ въ NN, этого было достаточно. Вплоть до того дня, пока NN не исчезъ съ горизонта. Но и до сихъ поръ вы нерѣдко можете услышать:

— Это все же странно. Кажется, вѣдь онъ былъ очень популяренъ въ народѣ...

Словомъ, тотъ полезный и необходимый «миѳъ», о которомъ говорилъ Сорель. Бравый генераль впереди, на огнедышащемъ конѣ, а позади него—орды, увлекаемые его храбростью и популярностью; направленіе—Берлинъ...

Тутъ мы подошли къ самой сути дѣла. Я часто слышалъ, какъ мои соотечественники отъ души смѣялись надъ всѣми этими нелѣпыми вымыслами фантазіи, надъ пресловутыми «gouleau à vapeur», «gouleau compresseur», казаками, уничтожающими въ нѣсколько дней все на своемъ пути, и т. д., и т. д., надъ тѣми сапогами-скороходами, что неожиданно были надѣты на ноги нашихъ полководцевъ пылкимъ французскимъ воображеніемъ. Но не смѣха заслуживаютъ всѣ эти наивныя нелѣпости. Внимательно приглядываясь къ происходящему,

отчетливо видишь громадный вред подобнаго представленія о Россіи не только для русскаго, но и для всего общаго дѣла.

Анализируя такія,—а ихъ было раньше безчисленное множество,—рассказни, вы наткнетесь всегда на два элемента: *массы и популярности*. Я позволю себѣ вы-явить психологію, которая способствовала возникновенію легендъ, и позволю себѣ сказать простыми словами, безъ всякихъ подходовъ, результатъ моихъ долгихъ на этотъ счетъ наблюденій.

Французъ (я говорю, конечно, не объ исключеніяхъ, а о рядовомъ обывателѣ) разсуждаетъ такъ: во вспыхнувшей благодаря германскому нападенію войнѣ я бьюсь за существованіе моей родины и за дѣло цивилизаціи, въ данномъ случаѣ неразрывно съ нею связанной. Гдѣ-то, далеко на Востокѣ,—наполовину въ Европѣ, наполовину въ Азіи,—живетъ очень многочисленный и храбрый народъ, который можетъ противопоставить нѣмцамъ то, что у насъ мало,—человѣческія массы. Этотъ спасительный незнакомецъ,—русскій народъ,—необходимый союзникъ для спасенія Франціи и защиты цивилизаціи. Народъ этотъ совсѣмъ особенный,—мистическій, слѣпо вѣрящій во всѣ земныя и небесныя власти. Словомъ, хотя и благородный, но очень патріархальный народъ. Такъ какъ дѣло цивилизаціи должно быть спасено и такъ какъ мистическій народъ безъ колебаній идетъ за популярными и любимыми вождями, повинуюсь съ закрытыми глазами приказу сверху, воображеніе, не имѣющее иной канвы, рисуетъ на ней самые затѣйливые узоры.

И вы слышите не гдѣ-нибудь, а въ самомъ центрѣ страны, не когда-нибудь, а въ концѣ 1915 года, такія приблизительно строфы «Гимна союзниковъ» о Россіи: «И изъ глубины своихъ степей, повинуюсь благородному приказу, встаетъ безчисленный народъ»... Въ словахъ

о другихъ «alliés» слово приказъ не упоминалось. Тамъ говорилось о порывахъ этихъ націй, объ ихъ преданности дѣлу прогресса и т. д., и т. д. Какъ только рѣчь зашла о Россіи, на сцену вмѣстѣ съ неизбѣжною «степью» вынырнулъ пускай и благородный, но приказъ. Солнце—въ каплѣ воды...

Всѣ эти легенды, гимны, газетныя фантастическія мнѣнія—не пустой звукъ, а громадная сила. Общественное мнѣніе формировалось не на реальныхъ фактахъ, а на средневѣковой сказкѣ. Въ статьяхъ, обосновавшихъ войну противъ Германіи, какъ дѣло защиты прогресса, роль русскаго народа обычно стыдливо замалчивалась. Потому что о чаяніяхъ и развитіи этого народа, объ его культурѣ въ Западной Европѣ не знаютъ. Тамъ знаютъ на его счетъ нелѣпыя легенды да тѣ неоспоримые факты, что онъ многочисленъ, храбръ и можетъ выручить своей массой хорошее дѣло, *если это ему прикажутъ*. Вотъ почему съ такой жадностью до войны и въ началѣ войны французское общественное мнѣніе отыскивало среди русской terra incognita твердыя точки опоры. И находила ихъ въ тѣхъ, у кого въ рукахъ была дирижерская, а то и просто капральская палка, въ тѣхъ, кто знаетъ всесильное «mot», кто можетъ приказать благородному, но наивному народу встать на защиту цивилизации. А разъ народъ всталъ, то это—все, что нужно. Въ дальнѣйшемъ онъ просто голымъ тѣломъ задавить врага.

Потому, можетъ быть, наивно смѣшивая капраловъ съ народомъ, зачастую миссію Россіи за границей видѣли не въ защитѣ общаго дѣла, а въ овладѣніи, напримѣръ, Константинополемъ и т. д. Врядъ ли это способствовало увеличенію симпатій... Поэтому, напримѣръ, союзное общественное мнѣніе съ изумительной довѣрчивостью вѣрило въ тѣ «популярныя» лица, которыя въ это самое время мечтали о сепаратномъ мирѣ. И потому такъ вели-

ко было удивленіе французовъ, когда мало-по-малу стало выясняться, что въ Россіи есть народъ, который не только отлично знаетъ безъ всякихъ приказовъ, кому надо отдать свои симпатіи, но который, кромѣ того, ведетъ эту борьбу на точно такихъ же основаніяхъ, какъ и западные союзники, несмотря на противоположные «приказы» нѣкоторыхъ капраловъ. Словомъ, настоящій другъ оказался не тамъ, гдѣ думали.

И такъ какъ послѣ галиційскихъ неудачъ стало ясно, что голымъ тѣломъ нѣмца не задавишь, то даже такія газеты, какъ пресловутое «Echo de Paris», привѣтствовали съ искренностью начало «новой весны» въ Россіи.

Словомъ, одинъ народъ проглядѣлъ другой. И одна изъ громадныхъ хорошихъ сторонъ войны—въ томъ, что она разбила много предвзятыхъ идей, заставила внимательнѣе взглянуть на вещи, выйти изъ узкаго заколдованнаго круга легендарныхъ понятій.

Видя «нигилистовъ», записывающихся въ волонтеры и дающихъ примѣръ геройства въ бою, читая, несмотря на цензуру, болѣе строгую къ русскимъ дѣламъ, чѣмъ сама русская цензура въ Россіи, скудные сообщенія, изъ которыхъ видно, кто съ цивилизаціей, а кто противъ, заграница открыла Америку... Вы скажете, что это обидно для насъ: можетъ быть, отчасти; но что печально,—это несомнѣнно. И изъ жестокаго урока русскіе должны вынести хорошій опытъ.

Я не виню французовъ. Особенно рядового обывателя, одураченнаго неразборчивой подчасъ прессой, стремящейся къ немедленному политическому результату, къ восхваленію всякаго хозяина положенія. На самомъ дѣлѣ Россія—гдѣ-то тамъ, очень далеко; школьныя географическія и историческія познанія не только быстро забываются, но и ничего не говорятъ. Легенда о казакѣ, ѣдщемъ сальныя свѣчи, слышанная отъ бабушки, сильнѣе этихъ познаній. Въ жизни французъ

сталкивается съ фактами, показывающими ему главнымъ образомъ отрицательныя русскія стороны. Онъ знаетъ, что, помѣщая свои капиталы въ русскія предприятия, онъ заработаетъ, какъ въ колоніи. Предприниматели, возвращающіеся изъ Россіи, рассказываютъ о легкости и примитивности, съ которой можно эксплуатировать народныя массы. Онъ слышалъ о способѣ обращенія «капраловъ» съ этимъ народомъ. Онъ видитъ у себя въ Парижѣ, съ одной стороны, грязныя, забитыя толпы экономической и еврейской эмиграціи, которую консьержи быстро окрещиваютъ мало лестнымъ именемъ «sales russes», съ другой—политическую эмиграцію, повѣствующую ему главнымъ образомъ о неудобствахъ режима, и поверхъ всего—великолѣпныхъ представителей «капральства» и золотой молодежи, швыряющихъ деньги со щедростью индійскихъ магараджъ и аргентинскихъ плантаторовъ. Это все—отрицательныя стороны. Въ кафэ-концертахъ онъ видитъ нелѣпую балалайку и дикій «казачокъ», исполняемый такимъ «русскимъ», какъ онъ—китаецъ. Въ кинемо ему преподносятъ невозможныя сцены, скомпанованныя «русскими» съ Монмартра, гдѣ неизбѣжно фигурируютъ «нигилисты», «бомбы», «русскія печи» и «тройки» съ кучерами, одѣтыми въ «тулупы» изъ вывороченныхъ наружу шоферскихъ пальто...

Есть, правда, Толстой, есть Горькій, но первый всеміренъ, а второй—тоже «нигилистъ». Французъ оперируетъ въ своемъ сужденіи о насъ чортъ знаетъ съ чѣмъ. Другихъ элементовъ у него нѣтъ. И врядъ ли я ошибусь, если скажу, что поѣздки русской оперы, русскаго балета передъ войной были колоссальнѣйшимъ открытіемъ для заграницы. Мы вышли передъ ними во всеоружіи одной изъ своихъ культурныхъ особенностей. Французъ это отмѣтилъ и въ ряду русскихъ чудачествъ запомнилъ, что мы не такъ-то ужъ прими-

тивны и что «это очень курьезно: они сильны въ музыкѣ и балетѣ».

Конечно, были и Леруа-Болье, и Мельхиоръ-де-Вогюэ, есть и теперь немало французовъ, которые отлично знаютъ, что въ обширной Россіи существуютъ не только «попъ, самоваръ, казакъ, кнутъ, нигилистъ» и прочіе русскіе атрибуты, но масса-то этого не знаетъ, и общественному мнѣнію всѣ наши хорошія стороны *только начинаютъ становиться извѣстными*.

И я спрашиваю себя: если обстоятельства политическія и историческія, разность культуръ, языковъ и пространство сдѣлали изъ насъ terra incognita для націи самой благородной, одушевленной идеалами, для насъ самыми близкими и завѣтными, не наша ли обязанность—познакомить эту націю съ нами? Почему могла быть вывезена музыка Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго, танцы балета, наша опера, наше декоративное искусство и почему не можетъ быть показана за границѣ вся полнота нашей культуры и тѣхъ нашихъ особенностей, которыя однѣ,—и только онѣ однѣ,—заставятъ исчезнуть заграничныя сказки о казакѣ и «популярныхъ» капралахъ? Надо, чтобы своими собственными чувствами и не только представитель заграничныхъ общественныхъ сливокъ, а рядовой обыватель ощутилъ, какъ онѣ видѣлъ балетъ, многое; о чемъ онѣ даже не подозрѣваетъ. Если гора не идетъ къ Магомету, надо, чтобы Магометъ шелъ къ ней. Какимъ путемъ? Путь, навѣрное, найдется. Популярная книжка о Россіи Алексинскаго въ незначительный срокъ выдержала нѣсколько изданій, несмотря на варварскій переводъ, и, несомнѣнно, сдѣлала больше для дѣйствительнаго сближенія двухъ народовъ, чѣмъ долгая служба иного дипломата.

Русская литература, переведенная не безграмотными эксплуататорами русскаго представительства за грани-

цей, а настоящими знатоками, откроетъ быстрый доступъ въ сердца и умы французовъ, особенно послѣ теперешней войны, нарушившей идиллію буржуазной жизни и приучившей къ постановкѣ проклятыхъ вопросовъ.

Эмансипація русской женщины, чуждая до сихъ поръ домовитой французской хозяйкѣ, найдетъ сочувственный откликъ въ душѣ вышедшей благодаря войнѣ за обычныя семейныя рамки новой женщины.

Трагедія русскаго народа, ищущаго до сихъ поръ въ отличіе отъ другихъ народовъ правду-истину, не покажется странной послѣ того, какъ онъ сумѣлъ согласовать эти поиски не только съ сектантствомъ, съ устремленіями въ мистическія дебри, но и съ защитой общаго дѣла цивилизаціи.

И такъ безъ конца... Для того, чтобы быть понятнымъ, надо умѣть показать не только свои отрицательныя стороны, но и хорошія, а не сѣтовать, что «насъ не знаютъ, не хотятъ знать». Всегда такъ было, что «подъ лежачій камень вода не течетъ» и что народы наперобой стремились демонстрировать другъ передъ другомъ свои достоинства, свое искусство, свою силу, свою науку.

Роль робкаго ученика—и только ученика—пагубна.

— Я не могу себя простить,—сказалъ мнѣ послѣ долгой бесѣды на эту тему одинъ изъ очень видныхъ знатоковъ Россіи, призванный теперь на службу офицеромъ,—что до войны я писалъ слишкомъ спеціальныя брошюры о части русской литературы, доступныя небольшому кругу читателей, вмѣсто того, чтобы знакомить моихъ соотечественниковъ съ тѣмъ прекраснымъ, что составляетъ вашу, русскую, сущность и чего у насъ, французовъ, нѣтъ,—со свободой вашего духа, съ вашими культурными запросами, съ вашими исканіями, высоко поднимающимися надъ установившимся

укладомъ европейской жизни,—и что я по мѣрѣ силъ своихъ не знакомилъ французовъ съ *народомъ* русскимъ. Только теперь я вижу, какъ это нужно и какъ это безконечно важно.

Почва для настоящаго, реальнаго, а не военнаго и дипломатическаго только, алліанса между народами была. Война связала, сплотила ихъ еще сильнѣе. Она показала общность пониманія историческаго прогресса *обоими народами*. Вѣдь тѣ лозунги, которые, быть можетъ, были приняты извѣстными классами противъ воли и лицомѣрно, для народовъ явились точнымъ выраженіемъ ихъ чувствъ, ихъ желаній.

И простымъ глазомъ видишь, какъ, не зная ничего, попрежнему питаюсь главнымъ образомъ легендами о Россіи, французъ уже не вѣритъ имъ и ищетъ и ждетъ болѣе точныхъ элементовъ въ своемъ распоряженіи, чтобы понять страну, которую онъ уже полюбилъ и въ которой онъ угадываетъ сквозь завѣсу нелѣпыхъ вымысловъ великую красоту народной души. И общими усилиями надо сдѣлать такъ, чтобы «Спасительный Незнакомецъ» превратился въ близкаго друга, чтобы точки опоры въ критическія минуты отыскивались не среди случайныхъ политическихъ «капраловъ», а въ надежномъ, извѣстномъ и понятномъ общественномъ мнѣніи извѣстнаго, а не легендарно-мистическаго народа.

